

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Джеффри

ДИВЕР

ХОЛОДНАЯ ЛУНА

Самая убедительная
книга о Линкольне Райме
на сегодняшний день.

Goodreads.com

Книги Джеффри Дивера
продаются в 150 странах
и были переведены
более чем на 25 языков.

Линкольм Райм и Амелия Сакс

Джефффри Дивер

Холодная луна

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Дивер Д.

Холодная луна / Д. Дивер — «Азбука-Аттикус»,
2006 — (Линкольм Райм и Амелия Сакс)

ISBN 978-5-389-20705-9

В Нью-Йорке начал орудовать серийный убийца, и у него очевидные планы на будущее. Он одержим точным подсчетом времени и называет себя Часовщиком. Последние минуты жизни его жертв отсчитывают старинные часы с изображенной на циферблате луной, которые он оставляет на месте преступления, и это единственная зацепка. Гениальный криминалист Линкольн Райм, прикованный к инвалидному креслу, вместе со своей ученицей и помощницей Амелией Сакс берется за расследование этого необычного дела. На сей раз в команде детективов появляется новый сильный игрок, Кэтрин Дэнс, полицейский психолог, специалист по кинесике – языку тела, ведь «самыми опасными преступниками, как правило, бывают те, чьи мотивы сложно понять». Но логика преступника неуловима, как и он сам, непредсказуемый, просчитывающий каждый свой шаг и каждую секунду в жутких сценариях убийств...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-20705-9

© Дивер Д., 2006

© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Часть I. Вторник	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	31
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	63
Глава 9	74
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Джеффри Дивер

Холодная луна

Меня не видишь ты, но я всегда рядом.

Беги со всех ног, но от меня все равно не уйдешь.

Бейся со мной что есть мочи, но меня тебе никогда не победить.

Я убиваю, когда хочу, но никому не призвать меня к ответу. Кто я?

Старик Время

Jeffery Deaver

THE COLD MOON

Copyright © 2006, Gunner Publications LLC

All rights reserved

© С. Минкин, перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Часть I. Вторник

Время мертво, пока его отсчитывают маленькие колесики; только когда останавливаются часы, время оживает.

Уильям Фолкнер

Глава 1

00:02

Как долго они умирали?

Человек, которому задали этот вопрос, казалось, не слышал его. Он смотрел в зеркало заднего обзора, полностью сосредоточившись на дороге. Только что миновала полночь, и в Нижнем Манхэттене был гололед. Холодный фронт очистил небо от облаков, превратив выпавший незадолго до того снег в гладкую блестящую корку на асфальте. В грохочущем «пластыремобиле», как Умница Винсент прозвал внедорожник желтовато-коричневого цвета, сидели двое мужчин. Машина была уже далеко не новой. Тормоза нуждались в починке, а покрышки – в срочной замене. Но отдавать в починку угнанный автомобиль было бы глупо. Ведь двое его недавних пассажиров теперь трупы.

Водитель, худощавый мужчина лет пятидесяти с гаком, аккуратно подстриженный брюнет, осторожно свернул на боковую улицу и продолжил путь, не увеличивая скорость, с изящной точностью вписываясь в повороты и не выбиваясь из своего ряда. Он будет так же идеально управлять машиной на любом асфальте, в жару и в гололед, и не важно, имел его автомобиль отношение к убийству или нет.

Осторожно, педантично...

«Как долго?»

Большого Винсента, Винсента с длинными, толстыми, как сосиски, всегда влажными пальцами, Винсента, затянутого тугим коричневым ремнем, страшно трясло. После вечерней смены – он занимался компьютерной обработкой текстов – Винсент ждал на углу улицы. На улице был жуткий холод, но Винсент ненавидел вестибюль своего офиса. Освещение там зеленоватого цвета, на стенах – большие зеркала, в которые он мог хорошо разглядеть свою пухлую фигуру под любым углом зрения. Поэтому Винсент вышел на чистый морозный декабрьский воздух и стал мерить шагами асфальт, пожевывая длинный шоколадный батончик. К тому моменту, о котором идет речь, он уже начал второй.

Когда Винсент поднял глаза на полную луну, ослепительно-белый диск, на мгновение показавшийся в расщелине между зданиями, Часовщик размышлял вслух:

– Как долго они умирали? Интересно.

Винсент знал Часовщика, настоящее имя которого было Джеральд Дункан, очень недолго, но уже понимал, что задавать подобные вопросы рискованно. Даже самая невинная попытка что-либо уточнить могла вызвать нескончаемый поток объяснений. Уж он-то умел говорить. И отвечал всегда правильно и красиво, словно университетский профессор. Винсент понимал, что молчит Дункан на протяжении нескольких последних минут потому, что обдумывает ответ.

Винсент открыл банку пепси. Он замерз, но организм требовал сладенького. Он выпил содержимое одним глотком, а пустую банку сунул в карман. Закусил арахисовыми крекерами. Дункан взглянул на него, чтобы убедиться, что Винсент в перчатках. В «пластыремобиле» они всегда были в перчатках.

«Педантично...»

– Полагаю, на этот вопрос можно дать несколько разных ответов, – произнес наконец Дункан своим тихим, лишенным интонаций голосом. – К примеру, моей первой жертве было двадцать четыре года, поэтому можно сказать, что он умирал ровно двадцать четыре года.

Ну и хохмач, подумал Умница Винсент с сарказмом подростка, хотя вынужден был признать, что столь очевидный ответ ему самому в голову не пришел.

– Другому, полагаю, было года тридцать два.

Мимо проехал полицейский автомобиль. В противоположном направлении.

Кровь застучала в висках у Винсента, а Дункан и бровью не повел. Копы не проявили ни малейшего интереса к краденому «эксплореру».

– Есть, конечно, и еще один вариант ответа на вопрос, – продолжил Дункан, – он состоит в подсчете времени, прошедшего с момента, как я приступил к делу, до того мгновения, когда их сердца остановились. Вероятно, именно это ты и имел в виду. Видишь ли, людям нравится втискивать время в понятные им рамки. Ну что ж, вполне оправданное занятие, пока оно им помогает. Вынужден согласиться, знание того, что мышечные сокращения происходят через каждые двадцать секунд, очень полезно. Равно как и знание того, что если легкоатлет пробежит милю за три минуты пятьдесят восемь секунд, то он выиграет соревнования. Ну, если уж отвечать конкретно на вопрос, сколько времени они умирали сегодня... полагаю, не так важно, сколько времени, главное, что смерть наступала медленно. – Он бросил взгляд на Винсента. – Только не подумай, что я пытаюсь критиковать тебя за твой вопрос.

– Нет, конечно нет, – откликнулся Винсент. Да его, собственно, не так уж и заботило, критикует его Дункан или нет. Винсент Рейнольдс не мог похвастаться обилием друзей, поэтому ему приходилось мириться со многим в характере Джеральда Дункана. – Мне было просто интересно.

– Понимаю. Но я в самом деле не обратил внимания. В следующий раз обязательно засеку время.

– Девушка? Завтра? – Сердце Винсента забилось немного сильнее.

Дункан кивнул.

– Ты хочешь сказать, сегодня вечером.

Было за полночь. Уже наступил новый день. С Джеральдом Дунканом приходилось быть точным во всем, особенно когда дело касалось времени.

– Да, конечно.

Умницу Винсента оттеснял Голодный Винсент, как только он начинал думать о Джоанне, девушке, которая должна была умереть следующей.

«Сегодня вечером...»

Убийца ехал, петляя по улицам, к их временному жилищу в районе Челси на Манхэттене, к югу от центра, у самой реки. Кругом было пусто. Температура перевалила за десять градусов мороза, и холодный ветер свободно гулял по узким улочкам.

Дункан остановил машину у тротуара и выключил мотор. Оба вышли. Полквартала брели под ледяным ветром, дувшим в лицо. Дункан бросил взгляд на свою тень под ногами, которую отбрасывал благодаря свету луны, что сейчас висела в небе у них за спиной.

– Я подумал о еще одном возможном ответе. На вопрос о том, сколько времени они умирали.

Винсент снова задрожал. Из-за сильного холода, конечно, но не только из-за него.

– Если ты попробуешь оценить это время с их точки зрения, – продолжал убийца, – то поймешь, что для них оно длилось вечно.

Глава 2

7:01

Что такое?

В своем скрипучем кресле в теплом кабинете высокий мужчина крепкого телосложения пил кофе, глядя в сторону дальнего конца пирса, освещенного ярким утренним светом. Он руководил утренними работами по ремонту буксирного судна, проводившимися на Гудзоне к северу от Гринвич-Виллидж. В док минут через сорок должен был прибыть «Моран», но в данный момент пирс был пуст, и контролер наслаждался теплом внутренней части ангара. Он сидел, положив ноги на стол, а чашку с кофе поставил себе на грудь. Сейчас ему пришлось встать, протереть запотевшее окно и снова взглянуть в ту сторону.

«Что это?»

У самого края пирса со стороны Джерси стояла небольшая черная коробка. Вчера в шесть часов, когда их ангар закрылся, там ничего такого не было, а с тех пор в док явно никто не входил. Значит, коробку принесли с суши. Ангар и прилегающая территория обнесены цепью, чтобы туда не проник никто из пешеходов и случайных прохожих, тем не менее, как было хорошо известно контролеру по время от времени пропадающим инструментам и постоянно появляющемуся мусору, если кому-то захочется проникнуть сюда, его ничто не остановит.

Но зачем бросать здесь какие-то подозрительные предметы?

Контролер несколько минут всматривался в окно. Там, на улице, холодно, ледяной ветер, а здесь такой горячий и вкусный кофе. И все-таки в конце концов решил: нет, черт, лучше проверить. Он натянул толстую серую куртку, перчатки, шапку и, сделав последний глоток кофе, вышел на морозный воздух.

Он шел навстречу ветру вдоль пирса, устремив слезящиеся глаза на черную коробку.

Черт, что это такое? Предмет был прямоугольный, меньше фута в высоту, что-то на передней стороне отражало лучи утреннего солнца. Контролер прищурился, пытаясь рассмотреть, что там такое. Внизу воды Гудзона, покрытые белыми барашками волн, с грохотом бились об ограждения.

На расстоянии десяти футов от коробки он остановился, поняв вдруг, что перед ним.

Часы... Давно вышедшие из употребления, со смешными римскими цифрами и изображением полной луны на циферблате. Кажутся довольно дорогими. Контролер взглянул на собственные наручные часы и понял, что часы на коробке идут, и идут точно. Кому могло прийти в голову оставить здесь такую совсем не дешевую вещь? Ну что ж, как бы то ни было, судьба преподнесла ему милый презент.

Сделав шаг, чтобы поднять их, контролер то ли поскользнулся, то ли нога подвернулась, и на какое-то мгновение его охватила паника: ему показалось, что он сейчас упадет в реку. Но в конце концов контролер все-таки благополучно приземлился на кусок льда, который поначалу не заметил.

Морщась от боли и задыхаясь, контролер поднялся на ноги. Бросил взгляд вниз и понял, что перед ним не обычный лед. Он почему-то был красновато-коричневого цвета.

– О боже! – прошептал контролер, осознав, что смотрит на огромную лужу замерзшей крови, образовавшуюся как раз рядом с часами. Он наклонился вперед, и ему сделалось совсем не по себе, когда он понял, каким образом туда попала кровь. На деревянном настиле пирса контролер заметил следы, очень напоминавшие окровавленные отпечатки ногтей, словно кто-то с пораненными пальцами или перерезанными венами отчаянно хватался за края опалубки, стараясь удержаться и не упасть в бурлящие воды реки.

Он подполз к краю и взглянул вниз. В бивших о края пирса волнах ничего и никого не было видно. Это контролера не удивило. Замерзшая кровь означала, что бедняга побывал здесь

давно, и если его никто не спас, то к настоящему времени его тело находится где-нибудь на полпути к Либерти-Айленду.

Контролер отступил назад, зубами стянул перчатку, пытаясь нащупать сотовый. Еще один, последний, взгляд на часы, и он спешит назад в ангар, набирает номер полиции толстым трясущимся пальцем.

До и После.

Город изменился после того сентябрьского утра – взрыв, огромные столбы дыма, рухнувшие небоскребы...

Это невозможно забыть. Можно говорить о стойкости, об отваге, спокойной решительности ньюйоркцев, и все сказанное будет правдой. Но люди все равно невольно останавливаются, когда самолеты заходят на посадку, приближаясь к Ла-Гардиа, и почему-то кажется, что летят они значительно ниже, чем следует. Вы переходите на другую сторону улицы, за много футов обходя брошенный пластиковый пакет. И вас не удивляют солдаты или полицейские в темной форме с черными автоматами в руках.

День благодарения с его парадом прошел без инцидентов, и вот теперь в полном разгаре было Рождество, наполняя улицы толпами гуляющих. Но над всеми торжествами, подобно отражению в праздничной витрине магазина, плавал неизменный образ навсегда исчезнувших башен и вместе с ними навсегда исчезнувших людей. И конечно же, громадный вопрос: что будет следующим?

У Линкольна Райма были свои «До и После», и он очень хорошо понимал значение этих слов. Было время, когда он жил нормально, как все, потом наступило другое время, когда он больше не мог жить нормально. Всего мгновение назад он был здоровым мужиком, как все; он проводил осмотр места преступления, а минуту спустя бревно садануло его по шее, и он стал практически полным паралитиком от плеч до самых ступней.

До и После...

В жизни бывают мгновения, которые меняют вас раз и навсегда.

И все же Линкольн Райм считал, что, если возводить это в культ, события приобретут над вами еще большую силу. И плохие парни победят.

Именно об этом думал Райм холодным утром вторника, слушая дикторшу Национального общественного радио, уверенным голосом говорившую о параде, намеченном на послезавтра, за которым последуют различные церемонии и выступления правительственных чиновников. Все они по логике должны были бы проходить в столице страны. Но в Штатах царило настроение солидарности с Нью-Йорком, и потому можно было ожидать многолюдных зрительских толп, а также толп протестующих, которые в скором времени запрудят улицы, сделав жизнь полиции в районах вокруг Уолл-стрит невыносимой. В спорте происходило то же, что и в политике: дополнительные матчи, которые должны были проходить в Нью-Джерси, перенесли в Мэдисон-Сквер-гарден в качестве демонстрации патриотизма. Райм не без цинизма задался вопросом: а не стоит ли намеченный на будущий год Бостонский марафон тоже провести в Нью-Йорке?

До и После...

Райм пришел к выводу, что сам он в состоянии «После» мало чем отличается от состояния «До». Его физическое самочувствие, его «горизонт», конечно, изменились. Но по сути он остался тем же человеком, каким был «До»: полицейским и ученым, нетерпеливым, темпераментным (ну да, порой несколько надоедливым), непреклонным, не прощающим некомпетентности и лени. Ему никогда не могло прийти в голову прикрываться своей инвалидностью, предаваться нытью, делать из своего состояния повод для проклятий в адрес всех и вся.

И теперь, слушая новости, он с раздражением узнавал, что в этом городе есть жители, которые только и знают, что жалуются на несправедливость судьбы к ним.

– Я напишу письмо, – сказал он Тому.

Стройный молодой помощник в черных слаксах, белой рубашке и плотном свитере (дом Райма, расположенный на Централ-Парк-Уэст, отличался плохой системой отопления и старой, отслужившей свой срок изоляцией) поднял глаза на Райма от рождественских украшений, развешиванием которых он как раз занимался. Райм оценил, как комично выглядит миниатюрное вечнозеленое деревце на столе, под которым уже лежал распакованный подарок – коробка с бумажными полотенцами.

– Письмо?

Райм стал развивать свою теорию относительно того, насколько патриотичнее в нынешних условиях, несмотря ни на что, продолжать заниматься своим делом, как прежде.

– Я им покажу, где раки зимуют. Думаю, послать письмо следует в «Таймс».

– Почему бы и нет? – отозвался помощник, профессия которого очень часто именуется просто «сиделка» (правда, применительно к женщинам). Сам Том заявлял, что, находясь на службе у Линкольна Райма, выполняет обязанности святого.

– Что я и сделаю безотлагательно! – решительно произнес Райм.

– Великолепно... Хотя...

Райм вопросительно поднял бровь. За время болезни он научился добиваться необычайной экспрессии от своих все еще действовавших частей тела: плеч, лица и головы.

– У большинства людей, говорящих, что они хотят написать письмо, на самом деле руки до него так никогда и не доходят. Люди же, которые пишут письма, обычно никому об этом не говорят, а садятся и делают. Без всяких объявлений. Замечали?

– Спасибо за блестящий экскурс в человеческую психологию, Том. Теперь вы понимаете, что меня ничто не способно остановить.

– Прекрасно, – отозвался Том.

Воспользовавшись специальной сенсорной системой управления инвалидным креслом «Штормовая стрела», криминалист подъехал к одному из полудюжины мониторов с плоским экраном, находившихся в комнате.

– Команда, – произнес он в микрофон, присоединенный к креслу и связанный с системой опознавания голоса. – Текстовый процессор.

На экране послушно открылся «Ворд».

– Команда, печать: «Уважаемый господин редактор». Команда, точка. Команда, новый абзац. Команда, печать. «Я обратил внимание...»

В дверь позвонили, и Том отправился посмотреть, кто пришел.

Райм закрыл глаза, сочиняя свое торжественное обращение к миру, когда внезапно послышался голос:

– Эй, Линк! Счастливого Рождества.

– Угу, тебе того же, – пробурчал Райм в ответ вошедшему в дверь пузатому и взъерошенному Лону Селитто.

Толстому детективу пришлось с большой осторожностью маневрировать по комнате. В Викторианскую эпоху она представляла собой изящную гостиную, а теперь была до отказа забита самым разным судебно-медицинским оборудованием: оптическими микроскопами, электронным микроскопом, устройством для проведения газовой хроматографии, лабораторными стаканами, штативами, пипетками, чашками Петри, центрифугами, реактивами, книгами и журналами, компьютерами, а также толстыми проводами, лежавшими практически повсюду. (Когда Райм начал заниматься судебно-медицинской экспертизой на дому, из-за энергоемкого оборудования у него то и дело вылетали пробки. Он, по всей видимости, потреблял столько же электроэнергии, сколько все остальные жители квартала, вместе взятые.)

– Команда: громкость, уровень три.

Устройство контроля окружающей среды послушно понизило уровень шума.

– Я вижу, ты сегодня не в праздничном настроении, – заметил детектив.

Райм ничего не ответил. Он снова перевел взгляд на монитор.

– Привет, Джексон.

Селитто наклонился и погладил маленького длинношерстного пса, свернувшегося калачиком в коробке с логотипом NYPD¹. Он нашел себе здесь временное пристанище, после того как его владелица, престарелая тетка Тома, недавно отошла в мир иной в Уэстпорте, штат Коннектикут, после продолжительной болезни. Среди всего прочего молодой человек унаследовал и Джексона, гаванского бишона. Решено было, что Джексон будет жить у Райма до тех пор, пока Том не найдет ему достойного хозяина.

– У нас серьезные проблемы, Линк, – сказал Селитто, вставая. Он начал было снимать пальто, но потом передумал. – Господи, какая у тебя холодина! Наверное, рекордные морозы установились?

– Не знаю. На канал погоды редко заглядываю. – Он продолжал размышлять над первым абзацем своего письма редактору.

– Серьезные проблемы, – повторил Селитто.

Райм взглянул на Селитто, вопросительно приподняв бровь.

– Два убийства при сходных обстоятельствах. Более или менее.

– Серьезных проблем в мире хватает, Лон. В том числе и убийств. В чем же особая серьезность этих? – Как частенько случалось в промежутках между расследованием преступлений, Райм пребывал в отвратительном настроении. Из всех неприятностей самой крупной он считал скуку.

Однако Селитто проработал с Раймом много лет и за прошедшие годы приобрел стойкий иммунитет к характеру криминалиста.

– Нам позвонили из Большого дома. Боссы хотят назначить на это дело тебя и Амелию. И кажется, они настаивают.

– Ах, они настаивают?

– Я обещал им не говорить тебе, они же знают, как ты не любишь, когда кто-то настаивает.

– Давай лучше перейдем к более серьезной части, Лон. Ты говоришь, дело очень серьезное?

– А где Амелия?

– В Уэстчестере, занимается одним делом. Скоро вернется.

Детектив сделал жест, означающий «подожди минутку!», – зазвонил его сотовый. Затем последовал разговор, в ходе которого он часто кивал и что-то заносил в блокнот. Завершив беседу, Селитто взглянул на Райма.

– Ну в общем, ситуация такова. Прошлой ночью преступник... Он схватил...

– Он? – переспросил Райм.

– Ну-у... род нам точно не известен.

– Пол.

– Что?

– Род – преимущественно лингвистическое понятие. Он обозначает отнесенность слов к идее мужского или женского в ряде языков. Пол – понятие биологическое, различающее мужские и женские организмы.

– Спасибо за урок грамматики, – пробормотал детектив. – Возможно, он когда-нибудь мне и пригодится. Как бы то ни было, преступник схватил какого-то беднягу и отвез его к пирсу на Гудзоне, где ремонтируют лодки. Мы не можем сказать точно, как убийца это сделал, но он заставил парня или девчонку бродить у реки, а потом перерезал ему или ей вены на руках.

¹ Аббревиатура Управления полиции Нью-Йорка.

Жертва какое-то время держалась, потеряв огромное количество крови, ну а потом испустила дух.

– Тело?

– Еще не нашли. Береговая охрана и спецотряды полиции продолжают поиск. Несколько минут спустя к нам был еще один звонок. Из переулка в центре, неподалеку от Сидар-стрит, около Бродвея. Негодяй нашел себе еще одну жертву. Постовой обнаружил парня, лежащего на спине, рот заклеен скотчем. Подонок положил ему на шею железный брус весом примерно в семьдесят пять фунтов. И бедняге пришлось удерживать его изо всех сил.

– Семьдесят пять фунтов? Да, оценивая упомянутый тобою вес и физические возможности преступника, я склоняюсь к тому же выводу, что и ты: пол у него, скорее всего, мужской.

В комнату вошел Том с кофе и печеньем в руках. Селитто, для которого вес тоже был постоянной проблемой, сразу принялся за печенье. Он позволял себе расслабиться только на время праздников. Покончив с половиной угощения и утирая рот, детектив продолжил:

– Итак, бедняга держит брус. И наверное, какое-то время выдерживает. Но сам понимаешь: семьдесят пять фунтов. Долго ему все равно не справиться.

– И кто жертва?

– Зовут Теодор Адамс. Жил рядом с Бэттери-парк. Вчера вечером по номеру девять-один-один позвонила женщина и сообщила, что ее должен был встретить брат – они собирались вместе поужинать, – но он так и не появился. Она назвала имя. Сержант из тамошнего участка должен был позвонить ей сегодня утром.

Линкольн Райм обычно не любил смягченные описания событий. Хотя в данном случае вынужден был признать, что слово «серьезная» как нельзя более точно характеризовало ситуацию.

Равно как и слово «интригующая».

– А почему ты полагаешь, что все это дело рук одного и того же негодяя?

– В обоих случаях подонок оставлял свою «визитную карточку». Часы.

– Как в «Тик-так»?

– Верно. Первые стояли рядом с лужей крови на пирсе. Вторые находились рядом с головой Адамса. Складывается впечатление, что преступник хотел, чтобы его жертвы видели их. И, полагаю, слышали.

– Опиши их. Эти часы.

– Выглядят они довольно старомодно. Вот, пожалуй, и все, что я могу о них сказать.

– Не бомба? – Теперь – во времена, именуемые «После», – все, что тикает, обязательно проверяется на наличие взрывчатки.

– Не-а... Не взрывается. Но их все равно направили в Родменз-Нек для проверки на наличие биологических или химических элементов. Кажется, и те и другие часы одинаковой марки. Говорят, в них есть что-то зловещее. На циферблате – луна. И на тот случай, если мы плохо просекаем, он оставил еще и записку под часами. Компьютерную распечатку. Он не дурак демонстрировать нам свой почерк.

– И там говорилось?..

Селитто взглянул на свои записи, не полагаясь на память. Райму нравилась эта привычка детектива. Селитто не гений сыска, зато он настоящий «бульдог», делает все медленно, но безукоризненно.

Селитто прочел:

– «В небе полная Холодная луна освещает труп земли, указывая час смерти и окончания пути, начатого в момент рождения». – Дочитав, детектив поднял глаза на Райма. – Здесь есть подпись. «Часовщик».

Райм приподнял бровь.

– У нас два трупа и лунный мотив. – Упоминания астрономических явлений в подобных случаях, как правило, означали, что убийца намерен совершать подобные преступления еще много-много раз. – У него большие планы.

– Ну вот видишь. А по какой бы другой причине я зашел к тебе, Линк?

Райм бросил взгляд на начало своего послания в «Таймс». И закрыл программу обработки текста. С эссе о «До и После» придется подождать.

Глава 3

8:08

Какой-то едва различимый звук за окном. Похрустывание снега.

Амелия Сакс замерла, выглянула на улицу, в тихий, белый от недавней пороши задний дворик, однако никого не увидела.

Она находилась на расстоянии получаса езды к северу от города, одна в нетронутой временем загородной вилле, построенной в тюдоровском стиле. Здесь царила мертвая тишина. Да уж, действительно мертвая, подумала Амелия, вспомнив, что владельца дома больше нет в живых. По окончании рождественских каникул виллу продадут.

Снова поскрипывание снега за окном. Сакс была девушкой городской, привычной к какофонии звуков Манхэттена, самых разных, как угрожающих, так и безобидных. Любое же нарушение идеальной сельской тишины приводило ее в ужас.

Это были шаги?

Высокая рыжеволосая следователь в черной кожаной куртке, темно-синем свитере и черных джинсах мгновение внимательно вслушивалась, рассеянно почесывая затылок. До нее снова донеслось поскрипывание за окном. Тогда она расстегнула молнию на куртке, чтобы легче было достать «глок». Пригнувшись, выглянула в окно. Ничего...

И вернулась к работе. Амелия расположилась в роскошном офисном кожаном кресле и принялась изучать содержимое громадного письменного стола. Задача не из легких, так как она, собственно, толком не знала, что ищет. Что случалось нередко, когда приходилось осматривать место преступления, которое таковым могло быть названо с большой натяжкой. А этот дом вряд ли вообще можно было назвать местом преступления. Сюда, скорее всего, не ступала нога ни одного преступника, здесь не находили никаких трупов, не прятали награбленное. Амелия находилась в редко использовавшемся жилище человека по имени Бенджамин Крили, умершего за много миль отсюда и в последний раз навещавшего свой загородный дом больше чем за неделю до смерти.

И тем не менее она должна была провести осмотр дома, и осмотр тщательный, так как Амелия Сакс прибыла сюда не в своей обычной роли – эксперта-криминалиста, специалиста по осмотру места совершения преступления. Она выступала в качестве старшего детектива в ее первом собственном деле об убийстве.

Вновь непонятый звук снаружи. Лед? Снег? Ветка дерева? Олень? Белка?.. Она вновь не обратила на него внимания и продолжила поиск, начавшийся благодаря узлу, затянутому на куске хлопчатобумажной веревки.

Именно на этой бельевой веревке и закончилась жизнь пятидесятишестилетнего Бена Крили. Бена нашли свисающим с перекладины балкона две недели назад у него дома в Верхнем Ист-Сайде. На столе лежала предсмертная записка, и не было заметно никаких признаков насильственной смерти.

Тем не менее практически сразу после гибели мужа в нью-йоркскую полицию явилась Сюзанна Крили, вдова покойного. Как оказалось, она не могла поверить в то, что ее муж был способен покончить с собой. Да, конечно, в последнее время богатый бизнесмен и финансист пребывал далеко не в лучшем расположении духа. Но, по ее мнению, по очень простой и естественной причине: он много и подолгу работал над каким-то особенно сложным проектом. Порой Бен действительно впадал в мрачное настроение, становился нелюдимым, однако это его состояние не имело ничего общего с суицидальной депрессией. Раньше у Крили никогда не было никаких психологических или эмоциональных проблем, он никогда не принимал антидепрессантов. Финансовое положение было вполне устойчивым и не могло внушать опасений. В последнее время он не вносил никаких изменений в завещание и не делал никаких корректив

в страховке. Его партнер Джордан Кесслер находился в командировке у одного из их клиентов в Пенсильвании. Следователь имела короткую беседу с Кесслером, и тот подтвердил, что хотя Крили и производил впечатление глубоко подавленного человека, но, по мнению Кесслера, не был похож на самоубийцу.

Сакс была постоянным ассистентом Линкольна Райма и занималась осмотром мест преступления, однако ей хотелось большего. Она постоянно искала возможность самостоятельно заняться расследованием какого-нибудь дела об убийстве или террористического акта. Кто-то в Большом доме решил, что смерть Крили заслуживает более внимательного рассмотрения, и дал Амелии шанс проявить себя. Однако, помимо общего мнения, что у покойного не было суицидальных наклонностей, Сакс не могла найти никаких доказательств того, что в данном случае имело место преступление. И вдруг она сделала неожиданное открытие. Медэксперт сообщил, что на момент смерти у Крили был сломан большой палец и вся его правая рука была загипсована. Что означало одно: он сам никак не смог бы затянуть узел на петле, в которой повесился.

Сакс знала это наверняка, так как раз десять пыталась затянуть петлю. Это невозможно, не пользуясь большим пальцем. Может быть, он завязал ее еще до падения с велосипеда за неделю до смерти. Версия, что кто-то способен завязать петлю и держать ее под рукой в ожидании удобного случая для самоубийства, казалась более чем абсурдной.

Амелия охарактеризовала смерть Крили как подозрительную и открыла дело об убийстве.

Вскоре стало понятно, что расследование предстоит непростое. Касательно убийств существует одно хорошо известное правило: они либо раскрываются в течение первых двадцати четырех часов, либо на их расследование уходят месяцы. Из того небольшого числа имевшихся вещественных доказательств (бутылка, из которой пил покойный перед смертью, записка и веревка) вряд ли можно было получить какую-то полезную информацию. Свидетели отсутствовали. Отчет, представленный полицией, уместился на половине страницы. Детектив, который первоначально занимался этим делом, постарался закрыть его как можно скорее, как часто бывает с самоубийствами, и, естественно, никаких ценных сведений своей преемнице тоже не мог предоставить.

След, который мог привести к каким-нибудь подозреваемым в городе, где работал Крили и где его семья проводила большую часть времени, едва прощупывался. На Манхэттене Сакс оставалось только еще раз более внимательно допросить делового партнера покойного. В данный момент она занималась одним из тех немногих источников, которые могли ей дать хоть какую-то информацию, – осматривала загородный дом семейства Крили, где они, правда, бывали крайне редко.

Но и здесь Амелию ждала неудача. Ничего ценного она не нашла. Сакс откинулась на спинку кресла, глядя на сделанную незадолго до смерти Крили фотографию, на которой он пожимает руку человеку с внешностью преуспевающего бизнесмена. Оба стоят на бетонированной площадке аэропорта перед частным самолетом какой-то компании. На заднем плане выделяются нефтяные вышки и трубопровод. Крили улыбается. И вовсе не выглядит подавленным. Впрочем, на фотографиях редко кто выглядит подавленным.

И тут снова послышался скрип, очень близко, у окна, прямо у нее за спиной. Затем опять, еще ближе.

Это не белка.

Амелия извлекла «глок». Один сверкающий девятимиллиметровый в патроннике и тринадцать под ним. Сакс осторожно вышла в центральную дверь и обошла дом, держа пистолет обеими руками, но не перед собой (никогда нельзя держать пистолет перед собой, когда огибаешь угол, его могут выбить; в кино всегда все показывают неправильно). Быстрый взгляд по

сторонам. Все чисто. Затем она пошла назад, осторожно ступая своими черными ботинками по обледеневшей тропинке.

Остановилась, прислушиваясь.

Да, совершенно определенно шаги. Кто-то неуверенно продвигался, вероятно, к задней двери дома. Остановка. Шаг. Снова остановка.

Готова, сказала себе Сакс.

Она подошла вплотную к заднему углу дома.

И тут поскользнулась на обледеневшем асфальте. Нога Амелии проехала по льду всего несколько дюймов – вполне достаточно, чтобы она невольно, но достаточно громко выдохнула. Еле слышно для нее самой.

И все-таки достаточно громко, чтобы ее услышал тот, другой человек.

До Амелии донесся звук шагов на заднем дворе, поскрипывание снега. Черт!..

Амелия присела – на случай если это был просто маневр, чтобы отвлечь ее, – и выглянула из-за угла, быстро подняв «глок». Она увидела долговязого мужчину в джинсах и толстой куртке, со всех ног бегущего от нее по снегу.

Черт побери! Как она ненавидела бег. Амелия была довольно высокой женщиной, и к тому же ее мучили проблемы с суставами – артрит. Из-за названного сочетания бег для нее превращался в настоящее испытание.

– Стоять! Я офицер полиции! – крикнула она и побежала за ним.

Сакс понимала, что в любом случае преследовать этого человека ей придется одной. Она не сообщила о своем приезде сюда в полицию округа Уэстчестер. Чтобы попросить о помощи, необходимо было набрать 911, а у нее ни секунды времени.

– Повторяю: стоять!

Они продолжали бежать сначала по большому двору, а затем по лесу, расположенному за домом. Она начала задыхаться, чувствуя колотье в подреберье, к которому присоединилась и боль в коленях. Амелия бежала на пределе возможностей, но разрыв между ними стал заметно увеличиваться.

«Черт, уйдет!»

И тут ей помогла сама природа. Незнакомец зацепился ботинком за выступавший из земли сук и рухнул на землю с громким проклятием, которое Сакс услышала на расстоянии сорока футов. Она подбежала и, задыхаясь, приставила «глок» к шее беглеца. Тот замер.

– Не стреляйте! Пожалуйста!

– Ш-ш-ш... – Амелия вынула из кармана наручники. – Руки за спину!

Незнакомец покосился на нее:

– Мне больно. Я же ничего не сделал!

– Руки!

Он выполнил приказание, но как-то неуклюже, из чего Амелия заключила, что раньше он в подобные переделки не попадал. Незнакомец был моложе, чем она поначалу подумала. Подросток с угреватым лицом.

– Не стреляйте, пожалуйста!

Сакс перевела дыхание и начала обыск. Никаких документов, оружия, наркотиков. Только деньги и связка ключей.

– Как тебя зовут?

– Грег.

– Фамилия?

Пауза.

– Уизерспун.

– Ты где-то здесь живешь?

Он сделал глубокий вдох и кивнул направо:

– Вон тот дом, рядом с Крили.
– Сколько тебе лет?
– Шестнадцать.
– А почему стал убегать?
– Не знаю. Испугался.
– Разве ты не слышал, что я кричала? Что я из полиции?
– Да, но вы не похожи на полицейского... Женщина-полицейский? Вы на самом деле оттуда?

Амелия показала удостоверение.

– А что ты здесь делал?

– Я живу по соседству.

– Ты уже это говорил. Но, пожалуйста, конкретнее, что ты здесь делал?

Она приподняла его, и он сел. Парень до сих пор производил впечатление насмерть перепуганного.

– Мне показалось, что в доме кто-то есть. Я подумал, что, наверное, пришла миссис Крили или кто-то из ее семьи. Мне кое-что нужно ей сообщить. Я заглянул внутрь, увидел вас и пистолет у вас в руках и очень испугался. Подумал, вы одна из них.

– Из кого?

– Тех ребят, что вломились сюда. Именно об этом я хотел рассказать миссис Крили.

– Вломились?

– Я видел, как парочка парней вломилась в их дом. Несколько недель назад. Вскоре после Дня благодарения.

– Ты вызвал полицию?

– Нет. Я потом подумал, что следовало, конечно, позвонить в полицию. Но мне не хотелось впутываться в историю. Те парни были очень крутые. С такими лучше не связываться.

– Расскажи-ка поподробнее, что произошло.

– Я был на улице, на нашем заднем дворе, и увидел, как они идут к боковому входу в дом Крили. Они оглянулись по сторонам, а потом сломали замок и вошли внутрь.

– Белые или черные?

– Вроде белые. Но я ведь находился довольно далеко. И не видел лиц. Я только понял, что это мужики. Джинсы, куртки. Один был заметно крупнее другого.

– А цвет волос?

– Не знаю.

– Сколько времени они находились внутри?

– Около часа, наверное.

– Ты видел их машину?

– Нет, не видел.

– Они что-нибудь забрали из дома?

– Да. Стерео, диски, телевизор. Какие-то игры, наверное. А можно мне встать?

Сакс подняла его на ноги и повела к дому. Она сразу обратила внимание, что боковая дверь взломана. Ловкая работа.

Войдя в дом, Амелия огляделась по сторонам. Большой телевизор с панорамным экраном стоял в гостиной. В буфете масса великолепного фарфора и много серебра очень высокой пробы. Нет, конечно, здесь имело место отнюдь не воровство. Возможно, они и унесли какие-то вещи – исключительно в целях прикрытия.

Она обошла первый этаж. В доме идеальный порядок. За исключением камина. Камин не настоящий, отметила она, газовый, но внутри много пепла. Какой смысл разжигать газовый камин с помощью бумаги? Неужели грабителям пришло в голову разводить в нем огонь?

Не прикасаясь ни к чему внутри камина, Амелия осветила фонариком его содержимое: пепел и какие-то обгоревшие бумаги.

– А ты, случайно, не заметил, не разводили те люди здесь огонь?

– Не знаю. Может быть.

Перед камином были заметны полосы грязи. Амелия привезла с собой основное оборудование для осмотра места преступления. Оно лежало в багажнике. Нужно собрать возможные отпечатки пальцев вокруг камина, на рабочем столе, пепел, грязь и другие вещественные доказательства, которые удастся отыскать.

И тут зазвонил мобильный. Она взглянула на дисплей. Срочное сообщение от Линкольна Райма. Необходимо немедленно вернуться в город. Амелия отправила уведомление о получении его сообщения.

«И что же они сожгли?» – подумала она, глядя на камин.

– Ну, – произнес Грег, – можно мне теперь идти?

Сакс оглядела его с ног до головы.

– Не знаю, известно ли тебе об этом, но в случае смерти человека полиция проводит полную опись всего имущества в доме на момент смерти его владельца.

– Правда? – Он опустил глаза.

– Через час я вызову сюда полицию округа Уэстчестер, пусть сверят имеющийся у них список вещей с тем, что находится в доме сейчас. Если что-то будет отсутствовать, они пригласят меня, а я, в свою очередь, дам им твое имя, и они позвонят твоим родителям.

– Но...

– Ведь те мужчины ничего с собой не унесли, не так ли? После того как они ушли, ты проник в дом через боковую дверь и без стеснения взял... Итак, что ты взял?

– Только на время. Из комнаты Тодда.

– Сына мистера Крили?

– Да. И одна из игр была моя. Он мне ее так и не вернул.

– А мужчины? Они что-нибудь взяли?

Пауза.

– Вроде бы нет.

Сакс сняла наручники.

– Все, что взял, принеси обратно. Положи в гараже. Я оставляю дверь открытой.

– О да, конечно! Обещаю, – поклялся парень, тяжело дыша. – Можете не сомневаться... Только... – Он начал плакать. – Дело в том, что я съел торт, который стоял в холодильнике. Я не... Я куплю им другой.

– В список вещей еда не включается, – холодно произнесла Сакс.

– Не включается?

– Все остальное верни.

– Клянусь. Поверьте мне. – Он вытер лицо рукавом куртки.

Грег встал и уже собрался уходить, но Амелия остановила его вопросом:

– Еще одно. Когда ты узнал, что мистер Крили покончил с собой, ты удивился?

– Ну, в общем, да.

– Почему?

Парень рассмеялся:

– У него был «мерс». Длинный такой. А те, кто кончает с собой, ездят на «БМВ». Верно?

Глава 4

9:43

Существует много страшных вариантов смерти.

Амелия видела почти все, по крайней мере ей так казалось. Но нынешние убийства были самыми жестокими из всех, с которыми ей приходилось сталкиваться в практике эксперта.

Райм попросил ее поскорее приехать в Нижний Манхэттен, где от Амелии требовалось осмотреть два места, на которых с промежутком в несколько часов были совершены убийства. Убийца оставил записку, в которой называл себя Часовщиком.

Сакс уже провела осмотр первого из них, на пирсе у Гудзона. Оно оказалось довольно сложным для анализа. Тело отсутствовало, большую часть следов смело или перемешало сильным ветром, дующим с реки. Она сделала фотографии места убийства и сняла его на видео с разных углов зрения. Отметила участок, где стояли часы, с раздражением подумав о том, какой беспорядок там учинил антитеррористический отряд, когда забирал их на проверку. Впрочем, в сегодняшней ситуации другого выбора просто не было.

Она забрала также и записку, заляпанную запекшейся кровью. Затем взяла образцы замерзшей крови. Отметила отпечатки ногтей на пирсе в том месте, где жертва отчаянно пыталась удержаться, повиснув над бурлящим потоком. Амелия нашла оторванный ноготь, широкий, короткий, неровный, без лака, что свидетельствовало о том, что жертвой, скорее всего, был мужчина.

Убийца протаранил цепное ограждение пирса. Сакс и отсюда взяла образец, чтобы попытаться найти возможные отпечатки. У места въезда на пирс и у лужицы замерзшей крови она не нашла ничего: ни отпечатков пальцев, ни следов ног, ни следов автомобильных покрышек.

Свидетелей тоже не было. Медэксперт сделал вывод: если жертва упала в Гудзон, что представлялось вполне вероятным, то смерть от переохлаждения наступила в течение примерно десяти минут. Водолазы из полиции и береговая охрана продолжали поиск тела в воде и возможных других улик преступления.

Теперь Сакс находилась на месте второго убийства, в переулке рядом с Сидар-стрит, неподалеку от Бродвея. Труп Теодора Адамса лежал на спине, рот заклеен скотчем, им же связаны колени и запястья. Жертве, судя по всему, было тридцать с небольшим. Убийца закрепил веревку на пожарной лестнице на расстоянии десяти футов над ним, а ко второму концу привязал тяжелый шестифутовый металлический брус с отверстиями по краям, похожими на широкие игольные ушки. Описанное сооружение убийца подвесил над шеей жертвы. Противоположный конец веревки он поместил в руки жертвы. Связанный Теодор никак не мог выскользнуть из-под бруса. Ему оставалось надеяться лишь на то, что он сумеет удерживать эту тяжесть до тех пор, пока какой-нибудь случайный прохожий не спасет его.

Случайных прохожих не оказалось.

Труп лежал здесь уже довольно долго, и брус продолжал давить ему на шею, пока тело совсем не окоченело на декабрьском морозе. Металл почти продавил шею трупа. Еще дюйм – и голова отделилась бы от тела.

Лицо трупа приобрело мертвенно-бледный оттенок, в остекленевших глазах застыло пустое, лишенное всяких эмоций выражение, характерное для мертвецов, но Амелия прекрасно представляла, как выглядело это лицо в течение тех десяти или пятнадцати минут, когда бедняга боролся за жизнь, вначале краснея от усилий, затем страшно багровея, как вылезали у него глаза из орбит.

Кому, черт возьми, понадобилось убивать таким зверским способом, так садистски мучить свои жертвы?

На Амелии был костюм из тайвека², специально предназначенный для того, чтобы ее одежда случайно не загрязнила место преступления. Обсуждая увиденное с двумя своими коллегами по отделу Нэнси Симпсон и Фрэнком Реттигом, Сакс готовила оборудование для сбора вещественных доказательств. Неподалеку от них стоял большой фургон, оборудованный всем необходимым инструментарием для обследования места преступления.

Амелия обмотала ступни резиновыми лентами, чтобы отличить свои следы от следов преступника. Идея принадлежала Райму. «Зачем такие предосторожности? Я же в „тайвеке“, Райм, а не в обычной обуви», – как-то заметила в беседе с ним Амелия. Он смерил ее усталым критическим взглядом: «Ах, извини. Я и не подумал, что преступнику просто в голову не может прийти купить костюм из тайвека. Сколько он там стоит, Амелия? Сорок девять долларов девяносто пять центов?»

Первым ее предположением было, что убийства – дело рук либо мафии, либо какого-то психопата; для многих соперничающих банд преступления такого рода – что-то вроде обмена посланиями. Психопат, с другой стороны, мог пойти на столь изощренное убийство либо в состоянии откровенного умопомешательства, либо с целью удовлетворения садистского импульса, в котором могла быть и сексуальная составляющая, или же просто из чистой жестокости без какой-либо примеси похоти. За время работы в полиции Амелия поняла, что причинение боли другому человеку само по себе есть довольно сильный источник ощущения превосходства и способно вызывать патологическое привыкание.

К ней подошел Рон Пуласки в форме и кожаной куртке. Стройный молодой блондин, он ассистировал Сакс в деле Крили, а кроме того, часто помогал Райму в его расследованиях. После одной стычки с опасным преступником он надолго попал в госпиталь, а после выписки ему предложили инвалидность.

Он рассказывал Амелии, как они с Дженни, его молодой женой, сели и стали обсуждать предложенный Рону вариант. Стоит ему возвращаться на службу или нет? К обсуждению присоединился брат-близнец Рона, тоже полицейский. И в конце концов Пуласки предпочел пройти лечение и вернуться в полицию. Сакс и Райм были в восторге от его юношеского задора и энергии и, пользуясь своими многочисленными связями в этой среде, добивались, чтобы Рона как можно чаще посылали им в помощь. Потом он как-то признался Сакс (ни в чем подобном Райму он, конечно, признаться не мог), что стойкость криминалиста перед лицом таких страшных ударов судьбы, каким был полный паралич, нежелание сдаваться ни при каких обстоятельствах, его невероятно строгий режим ежедневной терапии стали именно тем, что подтолкнуло Пуласки к принятию решения остаться в полиции.

Рон был в обычной форме, не в «тайвеке», поэтому он остановился у желтой ленты, преграждавшей вход на место преступления.

– О господи! – пробормотал он, увидев труп, распростертый под железным брусом.

Хорошо, подумала Сакс. Ей понравилась его реакция. Чтобы эффективно выполнять свою работу, полицейскому необходимо провести четкую разделительную черту между отвлеченным холодным профессионализмом и шоком при виде тех ужасов, свидетелем которых он неизбежно становится. Лучшие сотрудники полиции не перестают испытывать гнев, возмущение, ужас от увиденного на протяжении всей своей карьеры. Амелия сама упорно стремилась к тому, чтобы не утратить это чувство, чтобы не притупилась способность испытывать отвращение при виде нарушения фундаментальных принципов человеческой морали.

² Тайвек – нетканый материал, который может использоваться в самых различных областях применения, где необходимы прочность, влагонепроницаемость, паропроницаемость, небольшой вес, стойкость к механическим и химическим воздействиям. Кроме того, тайвек не выделяет волокнистого ворса, непрозрачен и имеет гладкую поверхность.

Пуласки сообщил ей, что Селитто и другие полицейские проводят опрос местной охраны и менеджеров расположенных в округе офисов на предмет того, не стали ли они свидетелями преступления и не знали ли Теодора Адамса.

– Антитеррористический отряд все еще проверяет часы, – добавил он, – потом они передадут их Райму... А я соберу номера всех машин, припаркованных в округе. Это поручение детектива Селитто.

Стоя спиной к Пуласки, Амелия кивнула. На самом деле подобная информация ее мало интересовала. В данный момент она для нее не важна. Следовало как можно внимательнее осмотреть место преступления, и Амелия старалась не отвлекаться на все несущественное. Несмотря на то что ее работа подразумевала «общение» исключительно с неодушевленными предметами, требовалась и определенная эмоциональная «причастность». Чтобы быть эффективным профессионалом, Амелии нужно было психически и эмоционально почувствовать себя преступником. Весь жуткий сценарий преступления проигрывается в воображении полицейского: что думал убийца, где он стоял, когда поднимал пистолет, биту или нож, как настраивался на совершение задуманного; задержался ли он на несколько мгновений, чтобы насладиться муками умирающей жертвы, или сразу бросился бежать; что привлекло его внимание здесь, что понравилось и что могло испугать; каким был маршрут его ухода. Это не разработка психологического профиля подозреваемых, предназначенная скорее для СМИ, чем для реальной работы, хотя иногда полезная и важная составная часть кропотливого искусства поиска в омерзительной навозной куче места преступления нескольких крупиц «золотой» информации, которые в конечном счете могут привести к преступнику.

В данный момент Сакс пыталась стать тем неизвестным, убийцей, который столь зверским способом расправился с другим человеческим существом.

Взгляд скользил по месту преступления, вверх и вниз, по сторонам: булыжники на мостовой, стены, тело, металлический брус...

«Я – он... Я – он... О чем я думаю? Зачем я решила убить этих несчастных? Почему именно таким способом? Почему именно сейчас, почему на пирсе, почему здесь?»

Но причина смерти была настолько необычной, психология убийцы настолько далека от ее собственной, что она так и не смогла ответить на свои вопросы. Пока не смогла... Амелия надела наушники.

– Райм, ты меня слышишь?

– Ну пока еще я не оглох, – ответил он с легким раздражением в голосе. – Я ждал. Где ты? На месте второго преступления?

– Да.

– И что ты видишь?

«Я – он...»

– Переулок, Райм, – произнесла она в микрофон. – Это тупик для автомобилей. Сквозного проезда здесь нет. Жертва находится недалеко от улицы.

– Насколько близко?

– Пятнадцать футов. Протяженность переулка – сто футов.

– Как он попал туда?

– Следов покрышек нет, но его явно сюда притащили. На брюках и куртке соль и грязь.

– Рядом с телом есть какие-нибудь двери?

– Есть. Оно как раз и лежит перед одной из них.

– Он что, работал в этом здании?

– Нет. У меня есть его визитка. Он представитель свободной профессии – копирайтер. Здесь указан и его адрес, он работал дома.

– Возможно, у него в том районе был какой-нибудь клиент. Или где-то поблизости.

– Лон проверяет.

– Хорошо. А вот та дверь, что рядом с ним... Преступник не мог ждать его за ней?

– Вполне вероятно, – ответила Амелия.

– Пусть охранник откроет ее, я хочу, чтобы ты узнала, что там.

Послышался голос Лона Селитто:

– Никаких свидетелей. Все как будто ослепли. Да и оглохли к тому же... В зданиях, окружающих переулков, должно быть, около сорока или пятидесяти различных учреждений. Если даже кто-то и знал жертву, на проверку уйдет очень много времени.

Сакс закончила разговор с Раймом и передала просьбу криминалиста открыть заднюю дверь, находящуюся рядом с телом.

– Нет проблем, – отозвался Селитто и отправился выполнять поручение, дыша на закончившие руки.

Сакс сделала фотографии места преступления и сняла его на видео. Затем осмотрела жертву на предмет каких-либо сексуальных намерений убийцы, но не обнаружила никаких следов изнасилования. Затем перешла к тому, что именуется «ковровым осмотром» места преступления, дважды проходя каждый квадратный дюйм в поисках каких-либо свидетельств. В отличие от многих криминалистов Райм настаивал, чтобы осмотр места преступления проводился одним специалистом – за исключением случаев катастроф с большим числом жертв, конечно, – поэтому Сакс проводила «ковровый осмотр» в одиночку.

Впрочем, кто бы ни совершил это преступление, он постарался не оставить никаких явных следов, кроме записки, часов, металлического бруса, скотча и веревки.

Она все сообщила Райму.

– Ну что ж, Амелия, не хотят подонки облегчать нам работу.

Его деланая веселость раздражала. Он ведь не стоял здесь, рядом с трупом человека, чья смерть была чудовищной. Амелия проигнорировала комментарий и продолжила осмотр места преступления: провела базовое обследование трупа, чтобы его можно было передать медицинским экспертам, собрала принадлежавшие ему предметы, отпечатки пальцев, осуществила электростатическую съемку следов обуви с помощью специального клейкого валика, напоминающего тот, с помощью которого удаляется шерсть домашних животных.

Вполне возможно, что преступник заехал сюда на автомобиле, принимая во внимание вес бруса, но следов от покрышек не было. Середина переулка была засыпана каменной солью, вызывавшей таяние снега.

И тут Амелия прищурилась.

– Райм, нечто странное. На земле вокруг тела что-то есть, на расстоянии примерно трех футов от него.

– И что это такое?

Сакс опустилась на колени и с помощью лупы стала внимательно рассматривать то, что на первый взгляд казалось мелкой солью.

Она тут же сообщила о ней Райму.

– Может быть, ею посыпали мостовую, чтобы таял лед?

– Нет! Она только вокруг тела. Больше нигде во всем переулке ее нет. Для таяния снега и льда используется крупная каменная соль. – Она сделала шаг назад. – Здесь только остаток. Такое впечатление... Да-да, именно так и есть, Райм. Он подметал. Метелкой.

– Подметал?

– Я вижу следы метелки. Убийца как будто разбросал здесь несколько горстей какого-то песка, а затем все за собой подмел... Хотя, возможно, это сделал не он. На месте первого преступления, на пирсе, ничего подобного не было.

– А на самой жертве или на бруске есть песок?

– Не знаю... Подожди-ка. Да, есть.

– Значит, он посыпал песком место после совершения преступления, – заключил Райм. – Вероятно, мы имеем дело с каким-то маскирующим веществом.

Аккуратные преступники используют порошок или какой-нибудь гранулированный материал – песок, наполнитель для кошачьего туалета или даже муку – и посыпают им землю после совершения преступления. Затем сметают порошок или убирают его с помощью пылесоса, уничтожая вместе с ним большую часть следов.

– Но зачем ему понадобились подобные сложности? – спросил Райм.

Сакс молча смотрела на тело и на булыжную мостовую.

«Я – это он... Зачем я стала бы подметать?»

Преступники часто стирают отпечатки пальцев и забирают с собой явные улики, но очень редко кто из них идет на подобные ухищрения и пользуется маскирующим реагентом. Амелия закрыла глаза и попыталась представить себя стоящей над молодым человеком, который из последних сил пытается удержать металлический брус. Вообразить себя в такой ситуации стоило ей немалого труда.

– Может быть, он просто что-то просыпал.

– Маловероятно, – возразил Райм. – Подобные люди не бывают настолько беспечными.

Она согласилась. И продолжала размышлять: «Я, конечно, очень внимательна. Но почему бы я стала подметать? Я – это он...»

– Почему? – прошептал Райм.

– Он...

– Не он, – поправил ее криминалист. – Ты – это он, Сакс. Помни!

– Я предельно педантична. Мне хочется избавиться практически от всех следов.

– Верно, но все, чего ты добьешься, подметая за собой, – заметил Райм, – сводится на нет, поскольку из-за твоего педантизма придется задержаться на месте преступления. Думаю, здесь должна быть какая-то другая причина.

Амелия пытается еще глубже погрузиться в сознание убийцы. Она поднимает брус, вкладывает веревку в руки жертвы, смотрит на его перекошенное лицо, вылезающие из орбит глаза.

«Я ставлю часы рядом с его головой. Они тикают, тикают... Я наблюдаю за тем, как он умирает. Я не оставляю никаких следов, я подметаю...»

– Думай, Сакс. Что он замышляет?

«Я – это он...»

И тут она говорит:

– Я возвращаюсь, Райм.

– Что?

– Я возвращаюсь на место преступления. Я хочу сказать, убийца возвращается. Поэтому он и подметал. Потому что не желал оставлять ни малейших следов, которые могли бы дать нам возможность представить, как он выглядит: никаких волос, следов обуви, даже грязи с подошв. И преступник вовсе не боится того, что мы воспользуемся этим, чтобы выследить его, и застанем его врасплох в укрытии. Он слишком хитер, чтобы оставлять подобные следы! Нет, он боится, что мы найдем нечто, что поможет нам узнать его, когда он вернется.

– Да, возможно, что и так. Может быть, он получает эротическое удовольствие от наблюдения за тем, как люди умирают, и за тем, как работают полицейские. А может, хочет узнать, кто за ним охотится... Чтобы начать свою собственную охоту.

Амелия почувствовала, как у нее по спине пробежал холодок страха. Она огляделась по сторонам. Как обычно, на противоположной стороне улицы стояла небольшая толпа зевак. Возможно, там, среди них, находится и убийца, который внимательно следит за ней.

Тут снова послышался голос Райма:

– А может быть, он уже возвращался. Приезжал сегодня рано утром, чтобы удостовериться, что его жертва мертва. Следовательно...

– ...он мог оставить следы в каком-то другом месте. На тротуаре, на улице.

– Совершенно верно.

Амелия нырнула под ленту, ограждавшую место преступления, и оглядела улицу. Затем тротуар перед зданием. В глаза бросились полдюжины следов от обуви на снегу. Она не могла с уверенностью сказать, что какие-то из них принадлежат Часовщику, но некоторые – оставленные зимними сапогами на толстой подошве – явно свидетельствовали, что кто-то, скорее всего мужчина, стоял в течение нескольких минут в начале переулка, переминаясь с ноги на ногу. Амелия оглянулась и решила, что ни у кого не могло быть особых причин для того, чтобы проводить там много времени. У поворота в переулок нет ни телефонных автоматов, ни почтовых ящиков, ни окон.

– Какие-то не совсем обычные следы от зимней обуви в начале переулка, у поворота на Сидар-стрит, – сообщила она Райму. – Довольно большие. – Она обыскала и этот участок, покопалась в снежном отвале. – Кажется, что-то нашла.

– Что?

– Золотой зажим для банкнот. – Пальцы покалывало от мороза сквозь латексные перчатки, но Амелия внимательно пересчитала деньги. – Триста сорок долларов в новых банкнотах по двадцать долларов. Прямо рядом со следами сапог.

– А у жертвы обнаружены какие-либо деньги?

– Шестьдесят баксов, тоже очень свеженькие.

– Возможно, убийца взял зажим, а затем бросил его, убегая.

Амелия положила зажим в мешок для вещественных доказательств и закончила осмотр других участков местности, не найдя ничего существенного.

Задняя дверь офисного здания наконец-то открылась. Там стояли Селитто и охранник службы безопасности офиса. Амелия начала осмотр двери. Она обнаружила и сфотографировала то, что Райму охарактеризовала как миллион отпечатков (он только ухмыльнулся в ответ). Закончив с дверью, перешла к темному коридору за ней. Но и там не нашла ничего по-настоящему ценного.

Внезапно морозный воздух прорезал испуганный женский голос:

– О боже, нет!

Коренастая брюнетка лет сорока подбежала к желтой ленте, где ее остановил патрульный офицер. Она всхлипывала, прижимая руки к лицу. К женщине направился Селитто. Потом к ним подошла Амелия.

– Вы его знали, мадам? – спросил детектив.

– Что случилось? Что случилось? Нет... О боже...

– Вы его знали? – повторил детектив.

Раздираемая рыданиями, женщина отвернулась от жуткого зрелища.

– Мой брат... Нет, он... Боже... Нет, не может быть...

Она опустилась на обледенелую землю на колени. «Скорее всего, это та самая женщина, которая вчера вечером сообщила об исчезновении брата», – подумала Амелия.

Когда речь заходила о подозреваемых, у Лона Селитто был характер бультерьера. А вот с жертвами и их родственниками он демонстрировал поразительную мягкость. Тихим голосом с отчетливым бруклинским произношением он сказал:

– Мне очень жаль, мэм, но он действительно мертв.

Он помог женщине встать, и та без сил прислонилась к стене.

– Кто это сделал? Почему?! Кому подобное могло прийти в голову? Кому?

– Пока мы не знаем, мэм, – ответила ей Амелия. – Извините. Но мы его найдем. Я обещаю вам.

Женщина, задыхаясь, повернулась к Сакс:

– Не пускайте сюда мою дочь, пожалуйста.

Амелия взглянула на автомобиль, наполовину въехавший на тротуар. Женщина оставила его там, в панике бросившись к месту преступления. На пассажирском сиденье сидела девочка-подросток и, нахмурившись и слегка наклонив голову, смотрела на Амелию. Детектив подошла к телу, закрыв его от девочки.

Сестра покойного, которую звали Барбара Экхарт, выскочила из автомобиля без пальто и теперь ежилась от холода. Женщина была не в силах совладать с чувствами. Попросила, чтобы ее провели в туалет. Выходя оттуда, она все еще была бледна и подавлена, но уже достаточно владела собой. Истерика прошла.

Вытирая лицо бумажным полотенцем, она объяснила, что живет в Верхнем Ист-Сайде, а ее брат Тедди жил неподалеку отсюда. Вчера вечером они собирались встретиться в центре и поужинать вместе, однако он не пришел. Она позвонила в полицию, но они ничем не могли ей помочь, так как, по их сведениям, в имевших место дорожных происшествиях и преступлениях не пострадал никто, похожий на ее брата. До полуночи Барбара продолжала безуспешно набирать его номер. Сегодня утром от офицера полиции она узнала, что тело наконец обнаружено. И тут же отправилась сюда вместе с дочерью.

У Барбары не было ни малейшего представления о том, какими могли быть мотивы убийцы. Ее брат, холостяк, работал сам на себя, был внештатным рекламным копирайтером. Его все любили, и ни о каких явных его врагах Барбаре ничего не было известно. Он никогда не впутывался ни в какие любовные треугольники, его не преследовали ревнивые мужья, он не занимался ничем незаконным, не принимал наркотики и уж тем более не торговал ими. И переехал-то он в город всего два года назад.

То, что у жертвы не было никаких явных преступных связей, очень обеспокоило Амелию. На первое место выходил психический фактор, гораздо более опасный для общества, нежели фактор обычного бандитизма.

Сакс объяснила сестре убитого порядок осмотра тела. Судмедэксперт выдаст его ближайшим родственникам в течение двух суток. Лицо Барбары окаменело.

– Почему он убил Тедди таким способом? Что было у него на уме?

На этот вопрос Амелия Сакс ничего не могла ответить.

Наблюдая за тем, как женщина возвращается в машину и Селитто помогает ей, Амелия не могла оторвать глаз от девочки, которая тоже пристально смотрела на нее. Взгляд девочки было трудно вынести. На данный момент она должна была уже знать, что мертвое тело, лежащее на улице, принадлежит ее дяде, но Амелия читала на лице девочки все еще теплившуюся надежду. Надежду, которая вот-вот будет развеяна.

Мать села в машину и обняла девочку.

Лучшие полицейские должны сохранять способность чувствовать гнев, переживать потрясения... Из-за чего подобные мгновения становятся еще более мучительными.

Голод.

Винсент Рейнольдс лежал на кровати с давно не стиранным бельем в их временном жилище, которое, как ни странно, располагалось в бывшей церкви, и чувствовал в душе страшный голод, беззвучно подражавший урчанию в его покоем на грушу животе.

Старинная католическая постройка в безлюдном районе Манхэттена рядом с Гудзоном стала базой для их «операций». Настоящий дом Джеральда Дункана находился за городом, а квартира Винсента – в Нью-Джерси. Винсент предложил расположиться у него, однако Дункан ответил решительным отказом. Нужно, заявил он, прервать всякую связь с постоянным местом жительства.

И вновь он говорил так, словно читал нотацию. Но без раздражения. Словно отец, наставляющий сына.

– В церкви? – спросил Винсент. – Почему именно в церкви?

– Потому что ее пытаются продать уже в течение четырнадцати с половиной месяцев. Значит, она особенно никому не нужна. И в нынешние холода вряд ли кому-то придет в голову осматривать ее с целью приобретения. – Дункан бросил на Винсента подозрительный взгляд. – Да не беспокойся ты. Это уже давно не святое место, в ней службы сто лет не проводились.

– Правда? – недоверчиво переспросил Винсент, который уже давно решил, что у него на душе достаточно смертных грехов, чтобы обеспечить прямую дорогу в ад, если таковой существует. Самовольный захват церковного здания, освященного или заброшенного, был наименьшим из проступков.

Агент по продаже недвижимости, конечно, держал двери церкви на запоре, но хороший часовщик всегда в основе своей слесарь (первые часовщики, пояснил Дункан, получали слесарную подготовку), и потому ему не составило большого труда сломать замок на одной из задних дверей, а потом повесить там свой. Вследствие его манипуляций они смогли свободно заходить в здание и выходить из него, никем не замеченные. Кроме того, он заменил замок и на парадной двери и оставил на нем немного воска, чтобы знать, не пытался ли кто-нибудь проникнуть в церковь в их отсутствие.

Внутри здание было мрачным, в нем постоянно сквозило из всех щелей и стоял невыветриваемый запах дешевых чистящих средств.

В качестве своей комнаты Дункан избрал бывшую спальню священника на втором этаже пристройки, в которой располагались квартиры причта. Через коридор находился рабочий кабинет, где разместился Винсент. Здесь стояли койка, стол, плитка, микроволновка и холодильник (голодному Винсенту, конечно, в первую очередь нужна была кухня). В церкви не отключили электричество на тот случай, если агентам по продаже недвижимости понадобится освещение. А чтобы не разморозилась отопительная система, в нее продолжали подавать тепло.

Впервые увидев церковь, в которой им предстояло жить, и зная пристрастие Дункана ко всему, что связано со временем, Винсент сказал:

– Как жаль, что здесь нет башни с часами. Наподобие Биг-Бена.

– Биг-Бен – название колокола, а не часов.

– На лондонском Тауэре?

– На Часовой башне парламента, – вновь поправил его Дункан. – И назван он в честь сэра Бенджамина Холла. В конце пятидесятих годов девятнадцатого века Биг-Бен был самым большим колоколом в Англии. А в первых часах именно колокол сообщал о времени. Тогда не было ни циферблата, ни стрелок.

– Вот оно что...

– И само английское слово «clock», «часы», происходит от латинского «closa», что значит «колокол».

«Этот человек знает все».

Винсенту нравилось всезнание Дункана. Ему многое нравилось в Джеральде Дункане. Он задавался вопросом: а не могли бы они стать настоящими друзьями? У Винсента было очень немного друзей. Иногда у него случались совместные выпивки с кем-нибудь из временных коллег-верстальщиков. Но даже Умница Винсент старался не говорить слишком много, так как боялся сболтнуть лишнего об официантке или о женщине, сидящей за соседним столиком. Из-за голода становишься рассеянным (достаточно вспомнить, что случилось с Салли Энн).

Винсент и Дункан во многих отношениях были противоположностями, но в одном они были похожи: каждый носил в своем сердце страшную тайну. И любой, кто побывал в подобном положении, знает: общий секрет помогает забыть о любых различиях как в образе жизни, так и в идеологии.

А теперь из-за Винсента их дружба должна подвергнуться серьезному испытанию.

Он принимал холодный душ, вновь думая о Джоанне, той самой брюнетке, которую они собирались посетить сегодня. Она торгует цветами, и ей суждено стать их следующей жертвой.

Винсент открыл маленький холодильник в своей комнате, вытащил оттуда рогалик и разрезал его на две половины охотничьим ножом. У ножа было очень острое восьмидюймовое лезвие. Винсент намазал на рогалик плавленый сыр и съел бутерброд, запив двумя жестянками кока-колы. Нос пощипывало от мороза. Предельный педант во всем, Джеральд Дункан настаивал, чтобы они и здесь не снимали перчаток, что причиняло Винсенту немалые неудобства, но сегодня, в жуткий холод, он не возражал.

Винсент снова лег на койку и попытался представить, как выглядит тело Джоанны. «Сегодня вечером...»

Смертельное чувство голода... Его внутренности усыхали от вожделения, душа готова была испариться. Если ему не удастся поговорить с Джоанной по душам, казалось, он весь изойдет неудовлетворенными желаниями.

Он выпил банку «Доктора Пеппера» и заел ее пакетом картофельных чипсов. Потом еще несколькими солеными кренделями.

Ой, какой мучительный голод...

Голод...

Винсенту Рейнольдсу самому никогда бы не пришла в голову мысль, что страстное желание сексуального насилия над женщиной сродни голоду. Эту идею ему подбросил его терапевт доктор Дженкинс.

Когда Винсента задержали из-за Салли Энн – единственный раз, когда он оказался под арестом, – врач объяснил ему, что он должен смириться с тем, что желания, которые он чувствует, никогда не исчезнут.

– Тебе от них не избавиться. Они сродни голоду... А что нам известно о голоде? Что он вполне естествен. Мы не можем не испытывать голода. Согласен?

– Да, сэр.

Врач добавил, что, несмотря на то что от голода полностью избавиться невозможно, его можно удовлетворять достойными способами. «Понимаешь, что я имею в виду? Ты ведь, как правило, употребляешь здоровую пищу, хорошо завтракаешь, обедаешь и ужинаешь в специально отведенные для этого промежутки времени, а не просто перекусываешь на ходу. В случае с людьми ты должен постараться завязать нормальные отношения, основанные на привязанности, которые завершатся браком и созданием семьи».

– Я понял.

– Превосходно. Ну вот видишь, как мы быстро идем на поправку. Согласен?

Слова врача запали глубоко в душу, хотя истолковал он их несколько иначе, по-своему. Винсент подумал, что аналогия с голодом ему действительно может очень помочь. Когда возникнет подобная потребность, он просто «поест», то бишь «поговорит по душам» с девчонкой. Таким образом он утолит свой голод, не будет чувствовать себя потерянным и не превратится в слезливую размазню, как произошло в случае с Салли Энн.

Великолепно!

«Согласны, доктор Дженкинс?»

Винсент покончил с рогаликами и содовой, затем написал еще одно письмо сестре. А на полях Умница Винсент нарисовал несколько карикатур. Ей понравятся его шаржи. Винсент был потрясающим художником.

В дверь постучали.

– Войдите.

Джеральд Дункан распахнул дверь, но не вошел, а остался стоять на пороге. Они пожелали друг другу доброго утра. Комната Джеральда всегда пребывала в идеальном порядке. На столе все предметы разложены с поразительной симметрией. Вся одежда выглажена и развешана в стенном шкафу. Каждая вещь висела на расстоянии ровно двух дюймов от другой. У их дружбы было единственное препятствие – Винсент был страшный неряха.

– Хочешь перекусить? – спросил Винсент.

– Спасибо, не хочу.

Вот почему Часовщик такой худой. Он редко ест, почти никогда не испытывает голод. А это еще одна помеха для их дружбы. Винсент, однако, решил простить Джеральду упомянутый недостаток. Ведь сестра Винсента тоже очень мало ест, но он ее все равно любит.

Джеральд сварил для себя кофе. Пока вода нагревалась на плитке, он вынул из холодильника банку с кофейными зернами и отмерил ровно две ложки. Засыпал их в ручную мельницу и несколько раз повернул ручку. Затем осторожно пересыпал полученный порошок на бумажный фильтр в кофеварке, разгладил его: поверхность порошка должна быть идеально ровной. Винсенту нравилось наблюдать за тем, как Джеральд Дункан готовит кофе.

«Педант...»

Дункан бросил взгляд на свои золотые карманные часы. Осторожно повернул головку и снова вернул их на место. Он быстро управился со своим кофе – Дункан пил его как лекарство – и посмотрел на Винсента.

– Наша цветочница, – проговорил он, – Джоанна... Скоро мы доберемся и до нее. Сходи-ка проверь. Посмотри, одна ли она, чем занимается.

Что-то сжалось внутри у Винсента. До свиданьица, Умница Винсент.

– Как скажешь.

– А я пойду посмотрю, как дела у полиции в переулке на Сидар-стрит. Хочу знать, с кем мы имеем дело.

«С кем...»

Дункан натянул куртку и перебросил сумку через плечо.

– Готов?

Винсент кивнул и надел парку светло-коричневого цвета, шапку и черные очки.

– Сообщи мне, если у нее много людей с заказами, – наставлял Дункан Винсента. – И если она одна, тоже сообщи. Я бы, конечно, предпочел управиться с ней прямо там, у нее, но, возможно, придется засовывать ее на заднее сиденье «эксплорера».

Часовщик выяснил, что Джоанна проводит много времени у себя в мастерской на расстоянии нескольких кварталов от ее магазина, где цветы продавались в розницу. Мастерская представляла собой уединенное и довольно темное место. Голодный Винсент не мог выбросить из головы образ этой женщины: ее вьющиеся волосы, удлиненное миловидное лицо.

Они спустились по лестнице и вышли в переулок за церковью.

Дункан запер замок.

– Ах да, я забыл тебе кое-что еще сказать. По поводу завтрашнего дня. Она тоже женщина. Вторая подряд. Я не знаю, насколько часто тебе нужны твои... Как ты их там называешь? Беседы по душам?

– Именно так и называю.

– Кстати, а почему именно так? – спросил Дункан. Убийца, как уже давно понял Винсент, отличался безграничным любопытством.

Фразой «беседа по душам» Винсент был также обязан доктору Дженкинсу, своему «дружку»-врачу из исправительного центра, советовавшему всякий раз, как у него возникнут какие-либо проблемы или просто захочется поболтать, заходить к нему для беседы по душам.

По какой-то причине Винсенту понравилась его фраза. Она звучала гораздо лучше, чем «изнасилование».

– Не знаю. Просто называю, и все. – Затем Винсент добавил, что не имеет ничего против двух женщин подряд.

«Иногда чем больше ешь, тем больше мучает тебя голод, доктор Дженкинс. Согласны?»

Осторожно пройдя по куче обледевшего снега, они вышли на тротуар, и Винсент спросил:

– Гм... а что ты собираешься сделать с Джоанной?

Расправляясь со своими жертвами, Дункан придерживался одного главного правила: умирать они должны медленно. На практике это совсем не так просто, как может показаться на первый взгляд, пояснил он своим отстраненным холодным тоном. У него была книга, называвшаяся «Допрос под пыткой». В ней говорилось о том, как можно развязать язык преступникам, подвергая различным мучениям, от которых они в том случае, если не пожелают сознаться, в конечном итоге обязательно погибнут. В ней подробно описывались накладывание тяжестей на горло несчастным, вскрытие вен и тому подобные ужасы.

– В ее случае я не собираюсь излишне затягивать процедуру, – продолжал свои объяснения Дункан. – Просто заклею ей рот и завяжу руки за спиной. Затем положу ее на живот, завяжу шнур на шее, а противоположный конец привяжу ей к лодыжкам.

– Ноги у нее будут согнуты? – Винсент попытался представить себе эту сцену.

– Да. Описание было в книге. Ты видел иллюстрации?

Винсент отрицательно покачал головой.

– Она не сможет долго держать ноги согнутыми под таким углом. Как только начнет выпрямлять их, шнур у нее на шее затянется и она задохнется. Думаю, вся процедура займет не более восьми – десяти минут. – Он улыбнулся. – Я засеку время. Как ты и предлагал. Когда все закончится, я позову тебя и она будет полностью в твоём распоряжении.

«Старый добрый разговор по душам...»

Они вышли из переулочка, и в лицо им ударил сильный порыв ледяного ветра. Расстегнутая парка Винсента распахнулась.

Он в испуге остановился. На тротуаре в нескольких футах от них Винсент заметил молодого человека с редкой бороденкой и в потертой куртке. С плеча у него свисала сумка. Студент, решил Винсент. Опустив голову, тот поспешно шел вперед.

Дункан бросил взгляд на товарища:

– В чем дело?

Винсент кивнул, указывая на охотничий нож, который висел у него на поясе в ножнах.

– Мне кажется, он заметил. Из... извини. Мне следовало бы застегнуть куртку, но...

Дункан сжал губы.

Нет, нет... Винсент надеялся, что он не слишком огорчил Дункана.

– Если хочешь, я могу с ним разобраться. Я...

Убийца пристально взглянул на студента, быстрыми шагами удалявшегося от них.

Затем повернулся к Винсенту:

– Ты когда-нибудь кого-нибудь убивал?

Винсент не смог выдержать взгляда этих пронзительных холодных голубых глаз.

– Нет.

– Подожди здесь. – Джеральд Дункан огляделся по сторонам. Улица пустынная, на ней нет никого, кроме студента. Дункан сунул руку в карман, достал оттуда открывалку, с помощью которой он вскрыл вены тому человеку на пирсе, и быстрыми шагами пошел за студентом. Винсент наблюдал за тем, как убийца догонял парня. Они свернули за угол.

Ужасно... Винсент такой неряха. Из-за него они оба рисковали. Из-за своей небрежности он ставит на карту все: дружбу с Дунканом, возможность «разговоров по душам». Ему хотелось вопить от досады, хотелось плакать.

Винсент сунул руку в карман, нашел батончик «Кит-Кат» и быстро сжевал его вместе с частью обертки. Дункан вернулся через пять мучительных минут, держа в руке смятую газету.

– Извини, – сказал Винсент.

– Все в порядке. Нормально, – отозвался Дункан. Голос его был тих и спокоен. В газете лежала окровавленная открывалка. Он вытер лезвие бумагой и убрал его. После чего выбросил

газету и перчатки. Надел новые. Поэтому он и настаивал на том, чтобы при них постоянно были две или даже три пары.

– Тело в ящике для отбросов, – сообщил Дункан. – Я прикрыл его мусором. Если повезет, оно окажется на свалке или в море до того, как его кто-то заметит.

– С тобой все в порядке? – спросил Винсент, обратив внимание на красную отметину на щеке Дункана.

Тот пожал плечами.

– Когда я напал на него, он начал отбиваться. Пришлось резануть его по глазам. Запомни. Если кто-то начинает сопротивляться, режь по глазам. Они сразу перестают рыпаться, и ты можешь делать с ними все, что захочешь.

«Режь по глазам...» Винсент медленно кивнул.

– Теперь будешь внимательнее? – спросил Дункан.

– О да. Обещаю. На самом деле.

– А теперь иди посмотри, как там дела у нашей цветочницы. Встретимся в музее в три тридцать.

– Да, конечно. Хорошо.

Дункан окинул Винсента взглядом своих светло-голубых глаз. И улыбнулся, что случилось с ним весьма редко.

– Не расстраивайся. Возникла проблема. Ее удалось решить. С точки зрения истории Вселенной это ничто.

Глава 5

10:58

Тело Тедди Адамса унесли, плачущие родственники ушли.

Селитто уехал к Райму, и место преступления официально стало доступно для всех. Рон Пуласки, Нэнси Симпсон и Фрэнк Реттиг снимали заградительную ленту.

Не в силах забыть выражение отчаянной надежды, застывшее в глазах племянницы убитого, Амелия Сакс продолжала внимательно обследовать место, с еще большим педантизмом, чем делала это обычно. Она проверила все другие двери и возможные выходы, пути побега, которыми мог воспользоваться преступник. Но больше ничего не нашла. Другого такого случая, когда при столь сложном преступлении осталось так мало следов, она вспомнить не могла.

Собрав оборудование, Амелия переключилась на дело Бенджамина Крили, позвонила жене покойного, Сюзанне, и сообщила ей, что кто-то проник в их уэстчестерский дом.

– Я ничего не знала. Вам известно, что они похитили?

Амелия несколько раз встречалась с вдовой Крили. Это была очень стройная женщина – она каждый день бегала трусцой, – с короткими мелированными волосами, довольно мило-видная.

– У меня создалось впечатление, что ничего особенного не пропало. – О соседском мальчишке она решила ничего не говорить, полагая, что достаточно его напугала, чтобы впредь не нарушал закон.

Амелия спросила, не сжигала ли Сюзанна что-то в камине; та ответила, что уже давно не была в загородном доме.

– Как вы думаете, что все это значит?

– Не знаю. Но версия самоубийства начинает казаться мне все более сомнительной... Кстати, вам понадобится новый замок на боковую дверь.

– Я кого-нибудь приглашу сегодня. Спасибо, детектив. Для меня большое облегчение, что хоть вы мне поверили.

Сразу же после окончания разговора Амелия написала запрос на проведение экспертизы пепла, грязи и других улик, обнаруженных в доме Крили. Все имевшее отношение к делу Крили она положила в отдельную папку. После чего помогла Симпсон уложить собранный материал в фургон. Особых трудов им стоило завернуть тяжелый металлический брус в пластик и перенести его в машину.

Амелия уже закрывала дверь фургона, когда, повернувшись и взглянув на противоположную сторону улицы, у старого ремонтируемого дома на Сидар-стрит около Чейз-Плаза она заметила мужчину с «Пост» в руках. К этому времени мороз разогнал уже большую часть зевак.

Что-то не то, подумала Амелия. В такую погоду нормальный человек не станет читать газету на улице. Если вам вдруг захотелось узнать курс акций или подробности последней катастрофы, вы быстро ее пролистаете, установите, сколько денег потеряли или во что врезался церковный автобус, и пойдете себе дальше.

И уж по крайней мере вы не станете на продуваемой всеми ветрами улице смаковать сплетни с шестой страницы.

Амелия видела только силуэт мужчины, так как большая часть его фигуры была скрыта от нее широкими газетными листами и кучей строительного мусора. Впрочем, одно Амелия разглядела совершенно определенно – зимние сапоги. Они вполне могли оставить тот след, который она нашла на снегу в переулке. Амелия задумалась. Почти все полицейские уже ушли с места преступления. Симпсон и Реттиг вооружены, но не обучены тактике. Подозреваемый же находился за металлической баррикадой в три фута высотой, сложенной специально для

намеченного на ближайшее время парада. Если пойти к нему прямо через улицу, он без труда сможет ускользнуть. Необходимо более тщательно продумать захват.

Она подошла к Пуласки и прошептала:

– У тебя за спиной стоит один парень. Мне бы хотелось с ним побеседовать. Тот, с газетой.

– Преступник? – спросил он.

– Не знаю. Возможно. Вот как мы поступим. Я сяду в нашу машину. Меня высажат на углу, вон там, немного дальше к востоку. А ты... Ты можешь водить машину с ручным управлением?

– Конечно.

Она дала ему ключи от своего ярко-красного «камаро».

– Ты отъедешь на запад по Сидар-стрит по направлению к Бродвею футов на сорок. Остановишься, вылезешь из машины, перепрыгнешь через ту баррикаду и возвратишься назад тем же путем.

– Мне нужно вспугнуть его?

– Верно. Если он действительно просто так вышел на улицу, чтобы почитать газету – всякое случается, – мы спокойно побеседуем с ним, проверим документы и вернемся к работе. Если нет, то, полагаю, он повернется и бросится бежать прямо ко мне в лапы. Ты последуешь за ним и прикроешь меня.

– Понял.

Амелия сделала вид, что в последний раз осматривает место преступления, после чего взобралась в большой коричневый фургон и наклонилась вперед к водителю.

– У нас проблема.

Нэнси Симпсон и Фрэнк Реттиг оглянулись на нее. Симпсон расстегнула куртку и положила руку на рукоятку пистолета.

– Нет, этого не нужно. Я сейчас все объясню. – Осветив ситуацию, она обратилась к Симпсон, сидевшей за рулем: – Поезжай в восточном направлении. На светофоре поверни налево. Немного притормози. И я выскочу.

Пуласки залез в «камаро», включил зажигание и, рванув выхлопом, помчался вперед.

– Нам что, не останавливаться? – спросил Реттиг.

– Не надо, только притормозите. Хочу, чтобы подозреваемый был уверен, что я уезжаю.

– Хорошо, – ответила Симпсон. – Как считаешь нужным.

Фургон двинулся в восточном направлении.

В зеркало бокового обзора Амелия наблюдала за действиями Пуласки.

– Потихе, – тихо сказала она в микрофон рации.

Ему удалось справиться с мотором, настоящим монстром, и машина спокойно покатила вперед в направлении, противоположном тому, в котором ехал их фургон.

На перекрестке Сидар-стрит и Нассо фургон повернул, и Амелия открыла дверцу.

– Продолжайте движение. Не тормозите.

– Удачи, – произнесла Симпсон вдогонку коллеге.

Амелия прыгнула.

Ну вот, немного быстрее, чем она планировала. Она едва не упала, но все-таки удержалась на ногах, возблагодарив отдел городского хозяйства за обильное посыпание улиц солью. Сориентировалась, куда ей следует идти, и пошла по тротуару в направлении человека с газетой. Он ее не заметил.

Амелия прошла квартал, затем еще один. Расстегнула куртку, нащупала на поясе «глок». На расстоянии примерно пятидесяти футов от подозреваемого Пуласки внезапно притормозил, вылез из машины и перепрыгнул через баррикаду. Парень с газетой не обратил на него внимания. Они окружили его. С двух других сторон путь ему отрезан баррикадой и зданием на ремонте.

Прекрасный план.

И только одна маленькая деталь, которую не удалось предусмотреть.

На противоположной стороне улицы у здания отдела по строительству жилья находились два вооруженных охранника. Они помогали полиции с охраной места преступления от посторонних. Один из них узнал Амелию. Он помахал ей рукой и крикнул:

– Что-то забыли, детектив?

Черт! Человек с газетой повернулся и увидел ее.

Он бросил газету, перепрыгнул через барьер и что было сил помчался по проезжей части улицы по направлению к Бродвею. На противоположной стороне металлического ограждения с ним поравнялся Пуласки. Парень попытался перепрыгнуть через ограду, зацепился ногой и растянулся на асфальте. Амелия остановилась на мгновение, но, увидев, что он серьезно не ушибся, продолжила преследование. Пуласки присоединился к ней, и они вместе побежали за подозреваемым, которому удалось оторваться от них на тридцать футов, и расстояние между ними продолжало увеличиваться.

Амелия схватила рацию и нажала кнопку связи.

– Детектив пять-восемь-восемь-пять, – выдохнула она в микрофон. – Преследуем подозреваемого в убийстве на Сидар-стрит. Подозреваемый направляется на запад по Сидар-стрит... минутку, теперь он свернул на юг, к Бродвею. Нуждаемся в помощи.

– Принято, пять-восемь-восемь-пять. Направляем к вам дополнительные подразделения.

Несколько других передвижных патрулей сообщили, что находятся неподалеку и уже выехали на перехват подозреваемого.

Когда Сакс и Пуласки приближались к Бэттери-парк, преследуемый внезапно остановился и чуть было не оступился. Он оглянулся и увидел спуск в подземку.

Только не метро, подумала Амелия. Слишком большая толпа. Преследование в такой толпе практически невозможно.

О нет...

Взгляд через плечо, и он бросается вниз по ступенькам.

Амелия остановилась, крикнув Пуласки:

– Беги за ним! – Глубокий вдох. – Если он станет стрелять, ни в коем случае не начинай перестрелку при малейшей вероятности ранить кого-то из прохожих. Пусть уж лучше он уйдет.

Лицо Пуласки сделалось предельно серьезным, он кивнул. Амелия знала, что парню никогда не приходилось участвовать в перестрелке.

– А ты где будешь? – спросил он.

– Беги за ним! – крикнула она в ответ.

Парень сделал глубокий вдох и возобновил погоню. Амелия подбежала ко входу в метро и увидела, как Пуласки спускается вниз, перепрыгивая по три ступеньки зараз. Затем перешла улицу и, пройдя полквартила на юг, вытащила пистолет и спряталась за афишной тумбой.

Начала отсчет:...четыре... три... два...

Один.

Она вышла, повернулась к выходу из метро как раз в то мгновение, когда подозреваемый появился на ступеньках. Она направила на него пистолет:

– Стоять!

Среди прохожих послышались крики, кто-то упал на землю. Реакцией преследуемого была откровенная досада, вероятно, потому, что его трюк не сработал. Амелия сразу поняла, что он пойдет в эту сторону. Удивление у него на лице при виде входа в метро было притворным. Он бежал в направлении станции, пытаясь ввести их в заблуждение. Незнакомец механически, словно во сне, поднял руки.

– Лечь на землю лицом вниз!

– Да я же...

– Выполнять! – крикнула Амелия.

Он бросил взгляд на ее пистолет и повиновался. Задышавшись после длительного бега, чувствуя сильную боль в суставах, Амелия опустила колено на спину мужчины и стала надевать на него наручники. Он поморщился. Амелия не обратила на это внимания.

– У них есть подозреваемый.

Линкольн Райм и человек, принесший интересную новость, сидели в лаборатории. Деннис Бейкер, плотный симпатичный мужчина лет под сорок, был лейтенантом в отделе тяжких преступлений – подразделение Селитто – и занимался контрольными функциями. Он получил приказ от мэрии остановить Часовщика как можно скорее. Бейкер был одним из тех, кто настаивал, чтобы Селитто поручил дело Райму и Саксу.

Райм приподнял бровь. Подозреваемый? Преступники часто по разным причинам возвращаются на место преступления, и Райм задался вопросом: а не попался ли Амелии на самом деле убийца?

Бейкер вернулся к своему сотовому. Он слушал кого-то, кивая. У лейтенанта, отличавшегося странным сходством с актером Джорджем Клуни, была та способность к суровой концентрации, которая помогает стать неплохим администратором в полиции, но делает из человека наискущнейшего собутыльника.

– Он неплохой парень и может тебе пригодиться, – сказал Селитто о Бейкере перед тем, как лейтенант прибыл из управления.

– Превосходно, но он не будет совать свой нос, куда его не просят? – спросил Райм у детектива.

– Ни при каких обстоятельствах. Ты это сразу сам поймешь, как только его увидишь.

– На что ты намекаешь?

– Парень хочет, чтобы у него на счету было хотя бы одно раскрытое громкое дело, и полагает, что ты можешь ему таковое обеспечить. Поэтому он предоставит тебе полную свободу действий и любую поддержку, какую ты только пожелаешь.

Замечательно, так как с людскими ресурсами у них проблемы. С ними часто работал еще один детектив из нью-йоркской полиции – Роланд Белл, приехавший с юга. Детектив отличался поразительно легким характером, столь непохожим на характер Райма, но и не меньшим педантизмом. Однако Белл с двумя сыновьями был в отпуске в Северной Каролине, навещал свою подружку, служившую там шерифом.

Кроме того, они часто работали с Фредом Деллреем, агентом ФБР, известным своим участием в антитеррористических расследованиях и разведывательной деятельности. Убийства подобного рода не относятся к числу преступлений федерального значения, но Деллрей помогал Селитто и Райму в расследовании тяжких преступлений и предоставлял им возможность доступа к ресурсам ФБР. В настоящее время федералы, казалось, по уши увязли в следствии по нескольким крупным аферам типа дела «Энрона». И Деллрей занимался одним из них.

Поэтому Бейкер, не говоря уже о его связях в управлении, был настоящим даром судьбы. Лейтенант закончил разговор по сотовому и сообщил, что в данный момент Сакс допрашивает подозреваемого, который, как видно, не слишком разговорчив.

Селитто сидел рядом с Мэлом Купером, судебно-медицинским экспертом, худощавым и стройным, фигурой напоминающим балетного танцовщика. На его привлечение к расследованию настоял сам Райм. Для Купера его аналитические таланты стали настоящим наказанием: Райм мог позвонить ему в любое время дня и ночи и попросить о консультации по поводу того или иного аспекта дела. Он не сразу согласился помочь Райму, когда тот позвонил ему утром в лабораторию в Куинсе. Купер сослался на то, что запланировал поездку на уик-энд во Флориду вместе с матерью и подружкой.

Райм, не задумываясь, ответил:

– Тем более ты должен приехать ко мне как можно скорее и не терять времени на раздумья.

– Хорошо, буду через полчаса, – ответил Купер. Теперь он стоял у лабораторного стола, ожидая поступления материалов для анализа. Надев латексные перчатки, он кормил печеньем Джексона. Пес лежал, свернувшись калачиком у его ног.

– Мне бы не хотелось, чтобы в наших материалах потом обнаружили собачью шерсть, – проворчал Райм.

– Он такой милый, – отозвался Купер, меняя перчатки.

Криминалист что-то пробурчал. Слово «милый» явно не входило в лексикон Линкольна Райма.

Зазвонил телефон Селитто.

– Береговая охрана и наши водолазы пока не нашли никаких тел. Продолжается проверка списков находящихся в розыске лиц.

Вслед за этим появился фургон с материалами с мест преступления, обследованных Амелией Сакс. Том помог перенести все необходимое в лабораторию.

Бейкер и Купер втащили завернутый в пластик металлический брус.

Орудие убийства...

Офицер из группы осмотра места преступления протянул документы о передаче материалов следствия Куперу, и тот их подписал. После чего распрощался со всеми. Райм не обратил на него никакого внимания. Он смотрел на материалы. Ради этого мгновения он и жил. После инцидента, во время которого он повредил позвоночник, его страсть – можно сказать, даже патологическая привязанность – к интеллектуальным схваткам с преступниками нисколько не угасла, а материалы, получаемые с места преступления, были как раз тем полем, на котором велись его главные сражения.

Райм предвкушал нечто в высшей степени интригующее.

Но в нем пробудилось и что-то похожее на чувство вины. Ведь он не испытал бы подобного восторга, если бы кто-то другой не стал жертвой чудовищного преступления, кто-то не потерял бы своих близких: жертва на пирсе, Теодор Адамс, их семьи, друзья. Да, конечно, Райм чувствовал угрызения совести. Тем не менее он обладал умением отстраняться от ощущения трагедии. Многие называли Райма холодным, бесчувственным, и он не спорил. Но те, кто достигает выдающихся результатов в своем деле, добиваются этого только благодаря тому, что ряд черт счастливым образом сочетаются в их характере. Так и у Райма острый, проницательный ум, невероятная настойчивость, упорство, целеустремленность соединились с эмоциональной отстраненностью – ценнейшим качеством лучших криминалистов.

Когда прибыл Рон Пуласки, Райм пристально рассматривал коробки. Райм познакомился с ним, когда парень только поступил в полицию. Их встреча произошла всего год назад – и Пуласки уже был женат и имел двоих детей, – но Райм прозвал его про себя «парнишкой».

– Я знаю, что Амелия кого-то там задержала, но, если это не преступник, я не желаю тратить на него время, – провозгласил Райм. – Давайте исходить из того, что задержала она не преступника. – И, обратившись к Пуласки, добавил: – Опиши мне место преступления. Начнем с первого, с пирса.

– Хорошо, – отозвался Пуласки и, запинаясь, начал описание: – Пирс расположен примерно у Двадцать второй улицы на реке Гудзон. Он длиной пятьдесят два фута и возвышается над поверхностью воды на восемнадцать футов. Убийство...

– Значит, тело все-таки нашли?

– Видимо, нет.

– Значит, ты хотел сказать «предполагаемое убийство»?

– Да, конечно, сэр. Предполагаемое убийство имело место на дальнем конце пирса, то есть на его западном конце между шестью часами вечера и шестью утра. Док в это время был закрыт.

Улик минимум: ноготь, возможно мужской, кровь, которую Мэл Купер проверил и подтвердил, что она человеческая, АВ положительная, что означало, что в ее плазме присутствовали белки-антигены А и В, а анти-А и анти-В отсутствовали. Кроме того, он также обнаружил отдельный протеин Rh. Сочетание антигенов АВ с протеином Rh являлось свидетельством того, что у жертвы была третья, самая редкая, группа крови, которую имеют всего лишь три с половиной процента населения. Дальнейшие тесты подтвердили, что погибший был мужчиной.

Кроме того, удалось выяснить, что он был уже немолод, давно имел проблемы с сердцем, так как принимал антикоагулянт для разжижения крови. Следов других медикаментов или указаний на какие бы то ни было инфекционные или иные заболевания обнаружено не было.

Отсутствовали и какие-либо следы обуви, автомобильных покрышек, отпечатки пальцев.

Амелия подобрала также кусок цепи, ограждавшей пирс. Купер изучил края на обрыве и пришел к заключению, что преступник, чтобы пройти к доку, воспользовался стандартным инструментом для резки металлической проволоки. По отметинам, конечно, можно с достаточной точностью определить инструмент, только это слабое утешение при полном отсутствии других следов.

Райм внимательно просмотрел фотографии места преступления, в особенности узор, который образовывала кровь, стекавшая с пирса. Он предположил, что жертва висела на краю опалубки на уровне груди, отчаянно пытаясь удержаться. Человек просовывал пальцы в пространство между планками. Следы ногтей свидетельствовали, что в конце концов он все-таки сорвался. Райм задался вопросом, сколько времени рядом с несчастным находился его убийца.

– Ну что ж, теперь расскажите мне о втором месте.

– Второе убийство произошло в переулке рядом с Сидар-стрит у Бродвея. Переулок пятнадцать футов шириной, сто четыре фута длиной, покрыт булыжником и заканчивается тупиком.

Тело, вспомнил Райм, находилось на расстоянии пятнадцати футов от поворота в переулок.

– Время наступления смерти?

– По меньшей мере за восемь часов до обнаружения трупа. По словам врача. Тело совсем окоченело, поэтому потребуется определенное время, чтобы сделать более точные выводы. – Молодому полицейскому мешало стремление говорить в стиле официального отчета.

– Амелия мне что-то сообщала по поводу запасных дверей и пожарных выходов в переулок. Кто-нибудь из вас спросил, во сколько они запираются на ночь?

– Три здания там принадлежат коммерческим организациям. Два из них запирают свои служебные двери в восемь тридцать, а одна – в десять. А третье – правительственное административное здание. Дверь в нем запирается в шесть. В десять производится вечерний вывоз мусора.

– Когда было обнаружено тело?

– Около семи утра.

– Итак, значит, жертва в переулке была мертва уже примерно часов восемь, последняя дверь была заперта в десять, и вскоре после этого вывезли мусор. Следовательно, преступление имело место где-то между десятью пятнадцатью и одиннадцатью вечера. Как обстоит дело с машинами?

– Я составил список номеров всех машин в радиусе двух кварталов. – Пуласки вытащил громадный блокнот, напоминавший подарочное издание «Моби Дика».

– Что, черт возьми, там у тебя такое?

– Я вписал сюда характеристики всех стоявших там автомобилей. Может оказаться полезным. Точное место стоянки, подозрительные детали.

– Пустая трата времени. Нам нужны только номера, чтобы установить имена и адреса владельцев, – прокомментировал Райм. – Проверить базы данных. Нас не должно интересовать, кому нужен был кузов или у кого лысая резина... Ну что?

– Что?

– Просмотрел номера?

– Нет еще.

Купер вошел в Интернет, решив не откладывать то, что можно сделать немедленно. Никакого криминала ни на одном официальном владельце машин, находившихся неподалеку от места преступления, не обнаружилось. По просьбе Райма он также проверил, не было ли выписано каких-либо штрафных талонов за нарушение правил парковки в той местности во время, близкое ко времени убийства. Не было.

– Ладно... Мэл, введи имя жертвы. Есть ли какой-либо криминал на него?

На Адамса никакого явного криминала не было, и Пуласки вспомнил то, что говорила его сестра: у него не было врагов и никаких проблем в личной жизни, результатом которых могло бы стать убийство.

– Но почему в качестве жертв выбираются именно эти люди? – спросил Райм. – Случайно?.. Я знаю, Деллрей занят, тем не менее вопрос очень важный. Позвоните ему и попросите проверить Адамса. Пусть посмотрит, есть ли у них что-нибудь на него.

Селитто позвонил в ФБР и пробился к Деллрею, который был в ужасном настроении из-за «чертовой трясины» – финансовой аферы, расследование которой ему поручили. Тем не менее он сразу же по их просьбе просмотрел базы данных и дела, находившиеся в работе. По Теодору Адамсу не отыскал ничего.

– Ладно, – провозгласил Райм, – пока мы не нашли никаких свидетельств противоположного, будем считать, что имеем дело со случайными жертвами маньяка. – Прищурившись, он взглянул на фотографии. – Где, черт возьми, часы?

После звонка в антитеррористический отдел выяснилось, что в часах не нашли никаких опасных биологических или токсических агентов, и их уже отправили Райму.

Деньги в зажиме были взяты незадолго до случившегося из банкомата. Банкноты были чистые, но вот на самом зажиме остались хорошо различимые отпечатки. Когда Купер пропустил их через фэбээровскую автоматизированную систему определения отпечатков, то оказалось, что в системе такие не зарегистрированы.

Немногочисленные отпечатки на банкнотах из кармана Адамса дали тот же результат. Проверка серийных номеров банкнот обнаружила, что они не проходят в Министерстве финансов ни по каким делам об отмывании денег и ни по каким другим преступлениям.

– Песок? – спросил Райм, обратив внимание на маскирующее вещество.

– В общем, можно сказать, что да, – отозвался Купер, не поднимая головы от микроскопа. – Такой, который чаще используют на спортивных площадках, нежели в строительстве. Я просмотрю его внимательнее.

А на пирсе песка не было, вспомнил Райм слова Амелии. Потому ли, что, как она полагала, преступник планировал вернуться в переулок, или просто потому, что на пирсе не нужен был никакой маскирующий реагент, так как ураганный ветер с Гудзона вымел место преступления до идеальной чистоты.

– А как насчет трубы? – спросил Райм.

– Чего?

– Бруса, с помощью которого была раздавлена шея жертвы. Это профиль с заушинами на концах. – Райм изучал строительные материалы, применяемые в городе, так как распространенным способом избавиться от трупа было подбросить его на строительную площадку. Купер

и Селитто взвесили металлический брус – он весил восемьдесят один фунт – и положили его на стол. Брус был около шести футов длиной, дюйм шириной и три дюйма высотой. В обоих концах просверлены отверстия. – Такие используют в основном в конструкциях кораблей, тяжелого оборудования, кранов, антенн и мостов.

– Это, должно быть, самое тяжелое орудие убийства из всех, которые мне когда-либо приходилось видеть, – заметил Купер.

– Тяжелее, чем в случае с «жителем пригорода»? – спросил Райм. Для него точность была превыше всего. Он имел в виду женщину, несколько месяцев назад переехавшую своего неверного мужа громадным внедорожником посередине Третьей авеню.

– Ах да, конечно... «Его лживое сердце...» – пропел Купер писклявым тенорком. Затем просмотрел брус в поисках отпечатков пальцев. Ничего. Купер отделил от бруса несколько стружек. – Возможно, сталь. Вот свидетельство окисления.

– Какая-нибудь маркировка?

– Никакой.

Райм скорбно вздохнул:

– Вот вам еще одна проблема. В городе есть по крайней мере пятьдесят мест, где можно найти подобное «орудие». Амелия упоминала, что поблизости есть стройка...

– Ах да, я совсем забыл. Она попросила меня проверить, – откликнулся Пуласки, – и там мне сказали, что не пользуются металлическими брусками такого рода.

– Ну конечно, он забыл, – недовольно пробормотал Райм. – Насколько мне известно, городские власти проводят какие-то большие работы на мосту Куинсборо. Давайте попробуем. Свяжитесь с рабочими на Куинсборо и выясните, какие бруска они там используют и не пропали ли один из них.

«Парнишка» кивнул и достал свой мобильник. Купер рассматривал данные по анализу песка.

– Ну вот, здесь кое-что есть. Сульфат таллия.

– Что это такое? – спросил Селитто.

– Яд, используемый против грызунов, – ответил Райм. – У нас в стране он запрещен, но его иногда можно найти в иммигрантских сообществах или в зданиях, где работают иммигранты. Какова концентрация?

– Очень высокая... Но он отсутствует в образце почвы и в осадке, которые собрала Амелия. Значит, скорее всего, его занес на место преступления сам убийца.

– Возможно, он собирался им кого-то отравить? – предположил Пуласки.

Райм покачал головой:

– Этот яд не так-то легко использовать в качестве оружия. Чтобы отравить человека, необходима очень большая доза, и его присутствие в организме легко определить. Выясните, были ли в последнее время какие-либо конфискации или жалобы со стороны учреждений, отвечающих за экологическую безопасность.

Купер сделал необходимые звонки.

– Давайте посмотрим на скотч, – провозгласил Райм.

Эксперт осмотрел куски блестящей ленты серого цвета, с помощью которой преступник связал руки своей жертвы и заклеил ей рот. Купер пришел к выводу, что скотч обычный, такой, который продается в тысячах магазинов, торгующих строительными материалами, и во множестве хозяйственных отделов. Проверка клеящего вещества на пленке практически ничего не дала. Лишь несколько кристаллов соли, применяемой для ускорения таяния снега, которые были полностью идентичны тем, что Амелия взяла из прилегающей местности, и песок, который Часовщик разбросал, чтобы замести следы.

В разочаровании от скотча, как, впрочем, и от всего остального, Райм обратился к фотографиям тела Адамса, сделанным Амелией. Затем подъехал к столу и взглянул на экран.

– Посмотрите на края ленты.

– Интересно, – согласился Купер, переводя взгляд с цифровых фотографий на ленту.

Больше всего собравшихся поразило то, что куски ленты были отрезаны с поразительной точностью и наклеены аккуратно и тщательно. Обычно в подобных ситуациях следователи имели дело с куском скотча, грубо вырванным из рулона, иногда просто откусанным зубами преступника (благодаря чему на нем оставалась слюна, с помощью которой можно было провести анализ ДНК) и кое-как обмотанным вокруг рук, ног жертвы и наклеенным на рот. Но куски скотча, которыми воспользовался Часовщик, были отрезаны каким-то острым предметом с удивительной точностью. Все они были одинаковой длины. Он что, предварительно вымерял их?

Рон Пуласки закончил телефонный разговор и сообщил:

– В работах на мосту такой профиль не используется.

Ну что ж, Райм и не ожидал простых ответов на свои вопросы.

– А канат, за который он держался?

Купер осмотрел его, затем вошел в какие-то базы данных. И покачал головой:

– Обычный.

Райм кивнул на несколько досок, стоявших в углу лаборатории.

– Давайте приступим к нашим чертежам. Рон... У тебя, кажется, хороший почерк?

– Неплохой.

– То, что нам нужно. Пиши.

Работая над расследованием различных дел, Райм обязательно составлял схемы той информации, которая имелаась в его распоряжении. Для него они были примерно тем же, чем для гадалки является хрустальный шар. Он подолгу всматривался в слова, фотографии, диаграммы, пытаясь понять, кем мог быть преступник, где он может скрываться, где, скорее всего, совершит свое новое преступление. Созерцание схем было для Райма чем-то вроде медитации.

– Мы воспользуемся его «именем» в качестве заголовка, ведь он был настолько любезен, что поставил нас в известность, как нам его величать. Итак, Часовщик.

Пока Пуласки писал под диктовку Райма, Купер взял пробирку с небольшим количеством того, что на первый взгляд казалось обычной грязью. Положил ее под микроскоп и начал с наименьшего разрешения (правило номер один: если вы начинаете с сильного разрешения, то неизбежно закончите тем, что будете смотреть на эстетически привлекательные, но с исследовательской точки зрения совершенно бесполезные абстрактные образы).

– Выглядит как вполне обычная грязь. Посмотрим, есть ли в ней что-нибудь еще.

Он подготовил образец для спектрометра. Когда результаты были готовы, Купер взглянул на экран компьютера и объявил:

– Ну вот, у нас есть несколько масел, азот, мочеви́на, хлорид... и белок. Дайте-ка я посмотрю профиль. – Спустя мгновение компьютер выдал ему дополнительную информацию. – Рыбный белок.

– Может быть, преступник работает в рыбном ресторане? – предположил Пуласки. – Или в рыбном ларьке в Чайна-тауне? Или в рыбном отделе магазина?

Райму нравились энергичные молодые люди, но уж слишком часто они говорят, не подумав.

– Рон, – спросил он, – ты когда-нибудь слышал, чтобы выступающий перед аудиторией говорил что-то вроде: «Перед тем как начать, я хотел бы сказать следующее»?

– Гм, да, кажется, приходилось.

– Что довольно странно, так как если он говорит, то он уже начал, верно?

Пуласки приподнял бровь.

– Я клоню к тому, что, анализируя материалы по делу, ты должен сделать кое-что, прежде чем приступить к анализу.

– И что?

– Установить, откуда поступили эти материалы. Итак, где Сакс взяла грязь, в которой содержится рыбный белок?

Пуласки взглянул на бирку.

– О!

– Ну и где же?

– С куртки жертвы.

– Значит, о ком мы получили дополнительную информацию?

– О жертве, а не о преступнике.

– В том-то и дело! Имеет какое-нибудь значение то, что на его куртке обнаружена эта грязь? Кто знает? Возможно, что да. Но очень важно не посылать сразу же полицию во все точки города, где торгуют рыбой. Ну как, понятно то, о чем я говорил, Рон?

– Конечно понятно.

– Я рад. Запишите факт наличия грязи с рыбным белком в профиль жертвы и давайте продолжим... Когда мы получим заключение от медэксперта?

– Надо будет подождать, – ответил Купер. – Вы ведь понимаете, какое сейчас время – Рождество.

– «Это время для убийств...» – пропел Селитто.

Пуласки нахмурился.

– Самое страшное время – периоды жаркой погоды и праздники, – пояснил Райм. – Запомни, Рон: не стресс убивает людей, людей убивают сами люди, но стресс подталкивает их к преступлению.

– Здесь есть волокна коричневого цвета, – провозгласил Купер. Он взглянул на записи, прикрепленные к пакету. – Каблук туфли жертвы и ремешок от его часов.

– Что за волокна?

Купер внимательно рассмотрел их, затем пропустил их характеристики через базу данных ФБР для различных волокон.

– Кажется, автомобильные.

– Вполне естественно. Он явно вез металлический брус в восемьдесят один фунт на машине, не мог же он его нести на руках. Значит, наш Часовщик оставил машину в начале переулка, а затем потащил жертву к месту предначертанного ей страдания. Есть у нас какая-нибудь информация относительно средства передвижения?

Как оказалось, информации было совсем немного. Волокна были от коврика, используемого более чем в сорока моделях автомобилей, грузовиков и внедорожников. Что касается следов от покрышек, та часть переулка, где преступник оставил машину, была посыпана солью, затруднявшей контакт покрышек с мостовой, и получить четкие следы было практически невозможно.

– Относительно автомобиля большой ноль. Ну что ж, остается только взглянуть на его любовную записку.

Купер извлек белый листок бумаги из пластикового конверта.

В небе полная Холодная луна освещает труп земли, указывая час смерти и окончания пути, начатого в момент рождения.

Часовщик

– Что, действительно так? – спросил Райм.

– Что? – переспросил Пуласки, не поняв вопроса Райма.

– Полная луна. Сегодня.

Пуласки пролистал несколько страниц номера «Нью-Йорк таймс».

– Да. Полная.

– А что он хотел сказать, написав «Холодная луна» с большой буквы? – спросил Бейкер. Купер снова вошел в Интернет.

– Месяц по лунному календарю... Мы пользуемся солнечным календарем. У нас в солнечном году триста шестьдесят пять дней. Лунный календарь отмеряет время от одного новолуния до другого. Названия месяцев описывают цикл нашей жизни от рождения до смерти. Они получают символические наименования, связанные со временем года: землянич- ный месяц весной, месяц урожая и месяц охоты осенью. Месяц холодной луны – в декабре, месяц, когда жизнь замирает. Месяц смерти.

Райм уже и раньше замечал, что если для преступника важна лунная тема, то это, как правило, серийный убийца. Он был знаком с литературой, в которой утверждалось, что лунные фазы способны подталкивать людей к совершению преступлений, но считал, что в подобных случаях они, скорее всего, имеют дело с последствиями внушения. Ведь известно, насколько возросло число обращений в полицию Нью-Йорка по поводу похищения инопланетянами сразу же после выхода на экраны фильма Стивена Спилберга «Близкие контакты третьего рода».

– Введите прозвище Часовщик в базы данных. И Холодную луну тоже. Да, кстати, и назва- ния других лунных месяцев.

Потратив десять минут на поиски в программе ФБР по тяжким преступлениям и данных Общенационального информационного центра расследования уголовных преступлений, они ничего не нашли.

Райм попросил Купера выяснить, откуда взяты слова в записке Часовщика. Но поиск на десятке литературных веб-сайтов тоже ничего не дал. Купер даже позвонил одному препода- вателю литературы из Нью-Йоркского университета, который помогал ему в ряде случаев. Тот никогда ничего подобного не слышал. И приводимые в записке строки принадлежали либо какому-то неизвестному литератору, либо самому Часовщику.

– Что касается самой записки, то она распечатана на обычной бумаге для компьютерного принтера. Лазерный принтер «Хьюлетт-Паккард»... Ничего из ряда вон выходящего.

Райм разочарованно покачал головой. Если они действительно имеют дело с серийным убийцей, это значит, что он уже, вероятно, отслеживает очередную жертву, а может быть, и убивает ее.

Тут появилась Амелия Сакс, на ходу стягивавшая с себя куртку. Ее представили Деннису Бейкеру, который не преминул польстить ей, сказав, что страшно рад, что она взялась за дело Часовщика. «Ваша слава идет впереди вас», – заметил Бейкер, слегка флиртуя с дамой. Амелия на все его комплименты ответила лишь коротким профессиональным рукопожатием.

Райм ввел ее в курс того, какую информацию им удалось получить на данный момент.

– Негусто, – прокомментировала она. – Парень не промах.

– А что с подозреваемым? – спросил Бейкер.

Амелия кивнула в сторону двери:

– Скоро будет здесь. Бросился бежать, когда мы попытались задержать его, но я не думаю, что он тот, кто нам нужен. Я проверила. Женат, был брокером в одной и той же фирме в течение пяти лет. Ни в каких уголовных делах не замешан. Сомневаюсь, что он смог бы его поднять. – Она кивнула в сторону металлического бруса.

Раздался стук в дверь.

Двое полицейских ввели мужчину в наручниках. Ари Коббу было за тридцать. По-сво- ему привлекательный, он обладал специфическим шармом молодого бизнесмена средней руки. Стройный, в дорогом пальто, скорее всего из кашемира, правда забрызганном чем-то, что напоминало уличную грязь (вероятно, следствие ареста), Кобб явно чувствовал себя не в своей тарелке...

– Ну, выкладывай, в чем дело, – грубо прохрипел Селитто.

– Я уже сказал ей... – Неприязненный кивок в сторону Амелии. – Вчера вечером я шел к станции метро на Сидар-стрит и выронил деньги. Это они. – Он кивнул на банкноты и на зажим. – Сегодня утром я понял, что произошло, и вернулся за ними. Увидел полицию. Ну и не знаю, что на меня нашло. Просто не хотел впутываться. Я работаю брокером. У меня есть клиенты, которых очень волнует их репутация. То, что меня задержали, может негативно сказаться на моем бизнесе. – Наверное, только теперь задержанный понял, что Райм сидит в инвалидном кресле. Он растерянно замигал, осознал увиденное, и вновь на его лице появилась маска презрительного возмущения.

Обыск задержанного ничего не дал. На нем не нашли ни песка, обнаруженного на мостовой, ни крови, ни каких-либо других следов, которые позволили бы связать его с убийствами. Так же как и Амелия, Райм сомневался, что перед ними Часовщик. Однако в случае со столь тяжкими преступлениями любая беспечность непростительна.

– Возьмите у него отпечатки пальцев, – приказал Райм.

Купер снял отпечатки и установил, что точно такие же имеются и на зажиме. Но в соответствующих базах данных они зарегистрированы не были. Связавшись с транспортным управлением, они выяснили, что у Кобба нет собственной машины, а после звонка в его кредитные компании стало понятно, что в последнее время автомобилей, пользуясь кредитной картой, он напрокат не брал.

– Когда вы потеряли деньги? – спросил Селитто.

Ари Кобб сообщил, что ушел вчера с работы в 19:30. Зашел в бар с друзьями немного выпить, а в 21:00 пошел к метро. Он помнил, что, проходя по Сидар-стрит, вытащил билет на подземку и, вероятно, в тот момент и выронил зажим. Ничего не заметив, Кобб спустился в метро и домой – живет он в Верхнем Ист-Сайде – приехал в 21:45. Его жена в командировке, поэтому он решил пообедать в баре, расположенном неподалеку. Домой вернулся в 23:00.

Селитто сделал несколько звонков, чтобы проверить его версию. Ночной охранник в офисе подтвердил, что Ари ушел в 19:30, также удалось установить, что в баре на Уотер-стрит около 21:00 он пользовался своей кредитной картой, консьержка у него в доме и сосед в один голос заявили, что Ари вернулся к себе в квартиру в то самое время, которое он назвал полиции. И наконец, представлялось совершенно невероятным, чтобы Ари похитил двоих мужчин, одного убил на пирсе, а второго придавил металлическим брусом в переулке между 21:15 и 23:00.

– Мы занимаемся расследованием очень серьезного преступления, – заметил Селитто. – Оно было совершено неподалеку от того места, где вы побывали вчера. Вы, случайно, не обратили внимания на что-то такое, что могло бы помочь нам в нашем расследовании?

– Нет, я ничего не видел. Клянусь, я не стал бы скрывать, если бы что-то бросилось мне в глаза.

– А ведь преступник, скорее всего, не остановится на содеянном, он будет продолжать убивать.

– Мне очень жаль, – ответил молодой бизнесмен, хотя в голосе его совсем не чувствовалось сожаления. – Но я ведь просто запаниковал. Это ведь не преступление.

Селитто бросил взгляд на полицейских, которые привели Кобба.

– Выведите его на минуту.

После того как Кобба вывели, Бейкер пробормотал:

– Пустая трата времени.

Амелия покачала головой:

– Он что-то знает. Я чувствую.

Райм считался с ее мнением, когда речь заходила о том, что он со свойственным ему снобизмом называл «человеческой составляющей» работы полиции: свидетели, психология и – упаси боже! – разного рода предчувствия.

– О'кей, – провозгласил он. – И что прикажешь нам делать с твоим чувством?

За Амелию ответил Лон Селитто.

– У меня появилась идея! – воскликнул он, расстегнул куртку, представив на всеобщее обозрение свою немислимо мятую рубашку, и выудил из кармана сотовый.

Глава 6

11:03

Винсент Рейнольдс шел по продуваемым со всех сторон улицам Сохо, в голубоватых отсветах пустынной части района, расположенного к востоку от Бродвея на расстоянии всего нескольких кварталов от шикарных ресторанов и бутиков. Каких-нибудь пятьдесят футов отделяли Винсента от Джоанны, его цветочницы, которая скоро будет полностью принадлежать ему.

Он не сводил с нее взгляда, чувствуя голод, острый, электризирующий нервы, почти такой же сильный, как тот, который охватил Винсента в ту ночь, когда он впервые встретил Джеральда Дункана.

После случая с Салли Энн – когда Винсента арестовали из-за того, что он утратил контроль, – он твердо решил, что с этих пор станет умнее. Будет надевать лыжную маску, на женщин станет нападать сзади, чтобы не видели его лица, будет пользоваться презервативами, не будет охотиться за своими жертвами неподалеку от дома, будет разнообразить методы и места нападений. И полиция перестанет считать его серийным насильником. Он будет тщательно планировать нападения и будет готов при малейшей опасности скрыться в любую минуту.

Такова была теория Винсента. Но за последний год ему становилось все труднее и труднее сдерживать голод. Инстинкт овладевал им всякий раз, как он видел на улице одинокую женщину. Внутренний голос настойчиво твердил: «Ты должен взять ее. Немедленно! И наплевать, если кто-то заметит».

Вот что может сделать с человеком голод.

Две недели назад Винсент завтракал куском шоколадного торта и кока-колой в закусочной на улице рядом с офисом, где он регулярно подрабатывал. И вот тогда-то он и заметил официантку, новую, которую раньше никогда не видел. У нее была круглая мордашка, стройная фигура, вьющиеся золотистые волосы. Винсент взглянул на ее облегающую голубую блузку, в которой были расстегнуты две верхние пуговицы, и в душе его пробудился голод.

Официантка улыбнулась ему, вручая чек, и он решил, что должен взять ее.

Он слышал, как она предупредила своего босса, что выйдет в переулок за сигаретами. Винсент заплатил и тоже вышел. Он добрал до переулочка, посмотрел туда. И увидел ее. Она стояла, запахнув пальто и прислонившись к стене, и смотрела совсем в другую сторону. Было уже довольно поздно – Винсент предпочитал трехчасовую смену одиннадцатичасовой, – и хотя на близлежащей улице он заметил нескольких прохожих, переулок был абсолютно пуст. При вдохе воздух обдавал холодом, а плиты мостовой будут еще холоднее, но это Винсента не беспокоило. Его согреет ее тело.

Именно в то мгновение он услышал, как кто-то шепнул ему на ухо:

– Подожди пять минут.

Винсент подпрыгнул и резко развернулся. За ним стоял мужчина с круглым лицом и худощавой фигурой, лет пятидесяти, поразительно спокойный и невозмутимый. Он смотрел мимо Винсента в темный переулок.

– Что?

– Подожди.

– Кто ты такой? – Нельзя сказать, что Винсент испугался, – он был на два дюйма выше и на пятьдесят фунтов тяжелее, – но странное выражение неестественно голубых глаз стоявшего у него за спиной человека почти загипнотизировало его.

– Не имеет значения. Сделай вид, что мы беседуем.

– Да пошел ты! – С ужасом бьющимся сердцем и дрожащими руками Винсент попытался отойти.

– Подожди! – очень тихо произнес мужчина. И голос его гипнотизировал так же, как и его глаза.

Насильник застыл на месте.

Мгновение спустя он заметил, как в здании на противоположной стороне переулка открылась задняя дверь ресторана. Официантка прошла к двери и заговорила шепотом с вышедшими оттуда двумя мужчинами. Один из них был в костюме, второй в форме полицейского.

– О господи!.. – пробормотал Винсент.

– Она стукачка, – слышался голос того, кто стоял у него за спиной. – Сотрудничает с полицией. За владельцем водятся кое-какие грешки, полагаю. Они его взяли на мушку.

Винсент мгновенно пришел в себя.

– Ну и что? Ко мне это отношения не имеет.

– Если бы ты сделал то, что задумал, то уже был бы в наручниках. Или... мертвым.

– Задумал? – переспросил Винсент, изо всех сил стараясь выглядеть невинным агнцем. –

Не понимаю, на что ты намекаешь.

Незнакомец только улыбнулся. Затем спросил:

– Ты что, живешь здесь?

Винсент выдержал паузу, прежде чем ответить.

– В Нью-Джерси.

– А работаешь в городе?

– Да.

– Хорошо знаешь Манхэттен?

– Неплохо.

Незнакомец кивнул, оглядев Винсента с ног до головы. Затем представился, назвав себя Джеральдом Дунканом, «с Запада», и предложил куда-нибудь пройтись и побеседовать. Они прошли три квартала до ближайшей забегаловки, где Дункан заказал кофе, а Винсент съел очередной кусок торта и запил содовой.

Они говорили о холодной осени, о погоде, о городском бюджете, о ночном Манхэттене.

Затем Дункан перешел на другую тему:

– Мне в голову пришла одна мысль, Винсент. Если ты не против подзаработать и тебя не слишком волнуют отношения с законом, у меня для тебя кое-что есть. А кроме того, ты сможешь попрактиковаться в своем хобби. – И он мотнул головой в сторону переулка.

– Собрать ситкомы семидесятых? – спросил Умница Винсент.

Дункан снова улыбнулся, и Винсент решил, что парень ему нравится.

– И что я должен делать?

– Я плохо знаю Нью-Йорк, я бывал здесь всего несколько раз. Мне нужен человек, хорошо разбирающийся в лабиринтах его улиц, линиях метро, транспорте, районах... В том, как работает местная полиция. Ну и в ряде других подробностей, о которых я скажу позже.

– А чем ты занимаешься? – спросил Винсент.

– Бизнесом. Не будем вдаваться в несущественные детали.

Винсент понимал: нужно уйти, пока не поздно. Но он никак не мог забыть слов своего нового знакомого относительно возможности попрактиковаться в хобби. Всем, что позволяло ему так или иначе утолить голод, нельзя пренебрегать, даже если это связано с риском. Они беседовали еще с полчаса, обмениваясь информацией и постоянно утаивая друг от друга что-то важное.

Дункан рассказал, что его хобби было собирание дорогих старинных часов, которые он сам и ремонтировал. Некоторые он даже заново восстановил по деталям.

Закончив свой четвертый за день десерт, Винсент спросил:

– Откуда ты узнал, что она сотрудничает с полицией?

Дункан мгновение колебался, прежде чем ответить. А потом произнес:

– Там, в баре, человек у стойки, в самом конце. Помнишь его? В черном костюме.

Винсент кивнул.

– Я слежу за ним уже целый месяц. Я собираюсь убить его.

Винсент улыбнулся:

– Шутишь?

– Ничуть.

И Винсент понял, что Умницы Джеральда не существовало. Или даже Голодного Джеральда. Существовал только один Джеральд – Спокойный и Педантичный, который тем вечером вполне равнодушным тоном высказал свое твердое намерение убить Уолтера Хэндлмана. И он исполнил свое обещание, перерезав Уолтеру вены, и потом долго еще наблюдал, как тот бился, изо всех сил пытаясь удержать жизнь, пока не соскользнул в коричневые ледяные воды Гудзона.

Они продолжали беседу, и Часовщик сообщил Винсенту, что приехал в Нью-Йорк, чтобы убить нескольких человек. Среди них были женщины. Если Винсент будет осторожен и ему хватит получаса, Джеральд отдаст в его распоряжение их тела после того, как они умрут, и он сможет делать с ними все, что пожелает. В обмен Винсент должен будет оказать ему некоторую помощь. В качестве проводника по городу и в качестве охранника, а иногда и водителя угнанной машины.

– Итак. Условия принимаются?

– Наверное, да, – глухо ответил Винсент, хотя его подсознание прореагировало с гораздо большим энтузиазмом.

И вот теперь Винсент полностью отдался работе. Он выслеживал третью жертву – Джоанну Харпер, их Цветочницу, как прозвал ее Умница Винсент.

Он видел, как она вынула ключи и через служебную дверь исчезла в своей мастерской.

Винсент остановился, съел шоколадный батончик, прислонившись к фонарному столбу, и начал вглядываться в пыльное окно мастерской.

Рука невольно коснулась выпуклости на поясе, где лежал большой мясницкий нож. Он всматривался в туманные очертания Джоанны, пока она включала свет, снимала пальто, ходила по мастерской. Она была одна.

Винсент сжал нож.

Он думал о том, есть ли у нее веснушки, какой запах у ее духов, плачет ли она, когда ей больно, и...

Но нет, ему не следует об этом думать. Он пришел сюда, только чтобы собрать информацию. Он не должен нарушать правила и расстраивать Джеральда Дункана. Винсент сделал глубокий вдох, вбирая в себя обжигающий морозный воздух. Он должен ждать.

Джоанна подошла к окну. Теперь он мог ее хорошо разглядеть. О, да она милашка...

Ладони Винсента покрылись потом. Конечно, он может овладеть ею прямо сейчас и оставить ее здесь связанной до прихода Дункана, который и убьет ее, как планировал. Это будет неплохой компромисс. Настоящий друг должен понять и простить.

Ведь иногда бывают такие мгновения, когда просто нет сил терпеть.

Голод сильнее тебя...

«В следующий раз одевайся теплее. О чем только ты думала?»

Кэтрин Дэнс ехала в промозглом такси и держала руки над обогревателем заднего сиденья, исторгавшего из себя воздух, который не был не только горячим, но даже теплым. В лучшем случае, решила она, его можно назвать «нехолодным». Она потерла друг о друга кончики пальцев, завершавшиеся темно-красными наманикюренными ногтями, и подставила под дыхание обогревателя колени, обтянутые черными чулками.

В родных местах Дэнс температура практически круглый год не опускалась ниже 73 градусов³, и приходилось долго катить по Кармел-Вэлли-роуд, чтобы осчастливить детей настоящим снегом – можно было не только любоваться им, но и чуть-чуть поиграть в снежки. Лихорадочно собираясь в поездку на семинар в Нью-Йорк, она совсем забыла, что Восточное побережье плюс декабрь равняется Гималаям.

Кэтрин размышляла: «Здесь я пыталась сбросить последние пять фунтов из тех, что набрала в Мехико во время работы над тамошним делом». В Мехико она занималась исключительно тем, что сидела в течение пяти дней в прокуренной комнате, допрашивая человека, подозреваемого в похищениях людей. «Если мне не удастся сбросить эти пять фунтов, лишний вес может сослужить хоть какую-то службу в качестве защиты от холода. Несправедливо...» Она плотнее запахнулась в свое тонкое пальто.

Кэтрин Дэнс, тридцати с небольшим лет, работала специальным агентом в Калифорнийском бюро расследований, расположенном в Монтерее. Она была одним из крупнейших в США экспертов по проведению допросов и кинесике – науке, основной предмет которой – наблюдение и анализ языка тела и вербального поведения свидетелей и подозреваемых. Последние три дня она проводила в Нью-Йорке семинар по кинесике для сотрудников местной полиции.

Кинесика относилась к числу довольно редких специальностей, но Кэтрин Дэнс обожала ее. У нее был какой-то патологический интерес к людям. Они очаровывали ее, наполняли энергией. И в то же время часто приводили в растерянность и заставляли размышлять. Все эти миллиарды странных существ, населяющие наш мир, говорящие и совершающие немыслимые, чудесные и жуткие вещи. Она умела жить их эмоциями, бояться их страхами и радоваться их радостями.

После окончания колледжа Дэнс работала репортером. Журналистика словно специально создана, чтобы быть профессией для не слишком целеустремленных, но страдающих ненасытным любопытством людей. Очень скоро Кэтрин перешла к уголовной хронике и стала часами просиживать в залах судебных заседаний, наблюдая за адвокатами, подозреваемыми и заседателями. Кое-что новое узнала она и о себе самой: Кэтрин могла, посмотрев на свидетеля, послушав, что он или она говорит, почти безошибочно сказать, говорят ли они правду или лгут. Могла, взглянув на заседателей, мгновенно сделать вывод, устали ли те от слушаний, растеряны, возмущены или потрясены; верят они подозреваемому или нет. С пророческой точностью она способна была предугадать, какие из адвокатов идеально подходят для своей профессии и со временем преуспеют в ней, а какие избрали неверный путь в жизни.

Кэтрин могла определить, кто из работников полиции всю душу отдает своей профессии, а кто просто проводит время. (Один из группы энтузиастов однажды в особенности привлек ее внимание: слишком рано поседевший агент ФБР из Сан-Хосе, с юмором и щегольством выступавший свидетелем на суде преступной группировки, который Дэнс освещала в газете. Она попыталась добиться интервью с ним после вынесения обвинительного приговора, он же воспринял это интервью как их первое свидание. Восемь месяцев спустя они с Уильямом Свенсоном поженились.)

Со временем ей надоела журналистика, и Кэтрин начала подумывать о смене профессии. Жизнь какое-то время шла у нее вразнос, когда она пыталась совместить роли матери двух маленьких детей, жены и аспирантки в Университете Санта-Круса с намерением получить магистерский диплом по психологии и коммуникационным технологиям. Она открыла свой бизнес – консультационное бюро по выбору заседателей. Кэтрин давала советы юристам, каких заседателей отбирать, а от каких отказываться во время предварительных собеседований. Она отличалась несомненным талантом и зарабатывала очень неплохие деньги. Но шесть

³ 23 °C.

лет назад ей вновь захотелось совершить очередной профессиональный вираж. При поддержке неугомонного и отзывчивого супруга, а также родителей, живших неподалеку в Кармеле, она вновь пошла учиться. На сей раз в Академию при Калифорнийском бюро расследований в Сакраменто.

Кэтрин Дэнс связала свою жизнь с полицией.

Кинесика в список полицейских специальностей не входит, поэтому Дэнс технически числилась обычным следователем, работающим с убийствами, похищениями людей, наркотиками, терроризмом и тому подобными преступлениями. Тем не менее слух о ее таланте распространялся очень быстро, и Кэтрин стали часто приглашать в качестве эксперта на различные собеседования и допросы (ей это было на руку, так как позволяло отделаться от массы неприятных обязанностей, связанных со следовательской деятельностью).

Она взглянула на часы, задаваясь вопросом, сколько времени может занять выполнение просьбы, с которой к ней обратились представители местной полиции. Вылетела она только во второй половине дня, но ей хотелось иметь побольше времени про запас перед выездом в аэропорт Кеннеди. С транспортом в Нью-Йорке чудовищные проблемы, здесь он еще хуже, чем даже на 101-м шоссе вокруг Сан-Хосе. Она не могла позволить себе опоздать на самолет. Кэтрин уже скучала по детям, да и количество папок с делами на ее рабочем столе за время отсутствия почему-то не уменьшалось, а постоянно увеличивалось.

Такси с визгом затормозило.

Дэнс выглянула из окна.

– Это то самое место?

– Тот адрес, который вы мне дали.

– На полицейский участок совсем не похоже.

Таксист посмотрел на дом, построенный в причудливом стиле.

– Да уж, не похоже. С вас шесть семьдесят пять.

И да и нет, подумала Дэнс.

С одной стороны, это действительно полицейский участок, с другой стороны – нет.

В холле ее встретил Лон Селитто. Вчера он присутствовал на занятии по кинесике и попросил ее подойти и помочь в одном сложном деле с несколькими убийствами. Когда он позвонил Кэтрин и дал адрес, она предположила, что он приглашает ее в полицейский участок. И несмотря на то что помещение было до отказа забито разным экспертным оборудованием – не хуже, чем Центральное бюро расследований в Монтерее, – тем не менее это был частный дом.

И принадлежал он не кому-нибудь, а самому Линкольну Райму.

Еще один факт, который забыл упомянуть Селитто.

Конечно, Дэнс слышала о Райме – многие сотрудники органов следствия знали о блестящем детективе, ставшем жертвой полного паралича, – но ей были неизвестны подробности его жизни и его роль в работе нью-йоркской полиции. Вскоре она совсем забыла, что перед ней полный инвалид. В тех случаях, когда Кэтрин Дэнс не занималась сознательным анализом языка тела с профессиональными целями, она в первую очередь обращала внимание на глаза собеседника. Кроме того, один из ее коллег по работе в полиции тоже был наполовину парализован, и часто в общении с ним она забывала, что имеет дело с человеком в инвалидной коляске.

Селитто представил ее Райму и высокой энергичной женщине-детективу Амелии Сакс. Дэнс сразу же поняла, что они не просто коллеги. Не нужно было обладать гениальными способностями в кинесике, чтобы прийти к выводу: их связывает нечто большее. Войдя в комнату, Сакс взяла Райма за руку и что-то с улыбкой прошептала ему на ухо.

Амелия тепло поприветствовала Кэтрин, а Селитто представил ее еще нескольким офицерам полиции.

Селитто и Амелия рассказали ей о том деле, в котором им потребовалась помощь. Деле, которым занимался Райм.

Райм почти не участвовал в обсуждении. Его взгляд был устремлен на большие доски, на которых в виде схем фиксировались данные экспертизы и другие материалы расследования. Кэтрин слушала подробности дела и время от времени бросала взгляд на Райма, на то, как он всматривается в написанное на доске, тихо что-то бормочет, покачивает головой, словно упрекает себя за что-то упущенное. Иногда он закрывал глаза и о чем-то задумывался. Один или два раза Райм высказал какие-то замечания по делу, но в основном не обращал никакого внимания на Дэнс.

Происходящее здесь удивляло Кэтрин. Она привыкла к скепсису со стороны других полицейских, причиной которого было то, что она совсем не походила на типичного сотрудника полиции. Женщина ростом пять футов и пять дюймов, с темно-русыми волосами, которые она заплетала в тугую косу, пользующаяся светло-лиловой губной помадой, с украшениями из золота и морского жемчуга, подарком матери, не говоря уже о супермодных туфлях (здесь необходимо уточнить, что бег за преступниками не входил в круг повседневных профессиональных обязанностей Дэнс).

Сегодня же она отчетливо ощущала отсутствие всякого интереса к ней у Линкольна Райма. Подобно многим специалистам в уголовной экспертизе, он с демонстративным презрением относился к кинесике и новейшим технологиям ведения допросов. Скорее всего, Райм был против ее приглашения.

Что касается самой Дэнс, то она, естественно, признавала ценность вещественных доказательств по делу, но они ей были просто неинтересны. Ее вдохновляла человеческая составляющая преступлений и процесса следствия.

Кинесика против криминалистики... Ну что ж, посмотрим, что победит, детектив Райм.

И пока симпатичный и саркастически настроенный криминалист с явно взрывным темпераментом продолжал игнорировать ее и всматриваться в свои чертежи и схемы, Дэнс слушала подробности дела, которое со всех точек зрения представлялось ей весьма странным. Убийства, совершенные человеком, именовавшим себя Часовщиком, были, без сомнения, чудовищны, но Дэнс они не потрясли. Ей приходилось сталкиваться с преступлениями и пострашнее. И в конце концов, она жила в Калифорнии, где Чарльз Мэнсон в свое время задал предельно высокий стандарт жестокости.

Еще один детектив из нью-йоркской полиции по имени Деннис Бейкер сообщил Кэтрин, что конкретно от нее хотят. Они нашли свидетеля, который мог располагать полезной информацией, но явно не желал с ними сотрудничать.

– Он заявляет, что ничего не видел, – добавила Амелия. – А у меня такое чувство, почти уверенность, что он лжет.

Дэнс была разочарована, что ей придется беседовать не с подозреваемым, а со свидетелем. Она предпочитала напрямую сталкиваться с коварством преступников, и чем более злобными и хитрыми они были, тем лучше. С другой стороны, беседы со свидетелями занимали гораздо меньше времени, чем попытки одолеть сопротивление преступников, поэтому опоздание на самолет ей, скорее всего, не грозит.

– Ну что ж, посмотрим, чем я смогу вам помочь. – Кэтрин покопалась в своей дорожной сумке и достала оттуда круглые очки в бледно-розовой оправе.

Амелия в подробностях изложила ей все, что им было известно об Ари Коббе, и то, как он провел вечер накануне, и описала его поведение сегодня утром.

Дэнс внимательно слушала рассказ Амелии, неторопливо потягивая кофе, который ей приготовил парень, ухаживающий за Раймом.

Получив всю необходимую информацию, Кэтрин попыталась скоординировать свои мысли.

– А теперь позвольте изложить вам свое мнение, – обратилась она к присутствующим. – Ну во-первых, небольшой пропедевтический курс. Лон слушал его вчера на семинаре, но мне необходимо поставить всех остальных в известность относительно того, как я провожу свои беседы. Кинесика традиционно занимается изучением телесного поведения – языка тела – с целью понимания эмоционального состояния людей и того, говорят ли они правду или лгут. Многие, включая и меня, в настоящее время используют упомянутый термин для обозначения всех форм коммуникации – не только языка тела, но и высказанных вслух комментариев и каких-то письменных свидетельств. Вначале я проведу базовый анализ внешних проявлений личности свидетеля: посмотрю, как он ведет себя, как дает правдивые ответы на те элементарные вопросы, на которые ему нет необходимости лгать, – имя, адрес, работа и тому подобное. Я попытаюсь уловить особенности его жестов, позы, выбора слов и сути того, что он говорит. Собрав всю базовую информацию, я начну задавать более серьезные вопросы, чтобы выяснить, в каких случаях он проявляет стрессовые реакции. Это означает, что он либо намеренно лжет, либо с рассматриваемой темой у него связаны какие-то особые эмоциональные ассоциации. До этого момента мою работу с ним можно назвать собеседованием. Как только у меня возникнут подозрения, что он лжет, мы перейдем в стадию допроса. И тут мне придется воспользоваться рядом методик, как мы говорим, «обстругивания» подозреваемого, чтобы добраться до правды.

– Великолепно! – воскликнул Бейкер.

Хотя расследованием дела занимался Райм, Бейкер, как уже успела понять Кэтрин, представлял здесь начальство. У него было характерное выражение лица человека, который полагает, что на его плечах лежит немыслимый груз ответственности не только за расследуемое дело, но и за безопасность чуть ли не всего населения страны.

– У вас есть карта местности, о которой мы ведем речь? – спросила Дэнс. – Мне бы хотелось знать ее географические характеристики. Невозможно эффективно проводить допрос, не обладая такими сведениями. Я называю это изучением ареала подозреваемого.

Лон Селитто громко хохотнул. Дэнс улыбнулась и вопросительно взглянула на него.

– Линкольн то же самое говорит о криминалистике. Если вы не знаете особенностей местности, значит вы работаете в вакууме. Верно, Линк?

– Простите? – переспросил криминалист.

– Слово «ареал» тебе должно понравиться.

– А... – Его вежливая улыбка напомнила Кэтрин равнодушное восклицание ее сына: «А мне-то что?»

Дэнс рассматривала карту Нижнего Манхэттена, попутно запоминая подробности, касавшиеся места преступления и того, чем занимался вчера после работы Ари Кобб, которые пересказывали ей Амелия и молодой патрульный полицейский по имени Пуласки.

Наконец, заключив, что она достаточно информирована, Кэтрин заявила:

– Хорошо, теперь перейдем к работе. Где он?

– В комнате напротив.

– Приведите его.

Глава 7

12:03

Мгновение спустя патрульный полицейский ввел в комнату невысокого элегантного бизнесмена в дорогом костюме. Кэтрин не знала точно, находился ли он под арестом, но по тому, как мужчина потирал запястья, поняла, что на нем только что были наручники.

Она приветствовала свидетеля, одновременно напуганного и возмущенного, и кивком предложила ему сесть в кресло. Сама села напротив, а затем продвинулась немного вперед, чтобы оказаться в проксимальной зоне нейтрального общения – термин, характеризующий физическое пространство между участниками собеседования. Характеристиками названной зоны возможно манипулировать, благодаря этому допрашиваемый чувствует себя то более, то менее благоприятно. В данный момент Кэтрин находилась не слишком близко, чтобы вызвать у него ощущение вторжения в личное пространство, и не слишком далеко, чтобы позволить ему ощутить себя в полной безопасности. «Они должны чувствовать себя на пределе, а ваша задача – этим пределом манипулировать», – говорила она в своих лекциях.

– Мистер Кобб, меня зовут Кэтрин Дэнс. Я сотрудник правоохранительных органов, и мне хотелось бы побеседовать о том, что вы видели вчера вечером.

– Возмутительно! Я уже рассказал им, – кивок в сторону Райма, – все, что видел.

– Я только что приехала. И не имела удовольствия слышать то, что вы им говорили.

Отмечая про себя его реакции, она задала несколько простейших вопросов: о месте работы и проживания, о семейном положении и т. п., что дало ей возможность установить базовый уровень реакций Кобба на стресс. Кэтрин внимательно выслушивала все его ответы. («Наблюдение и слушание – две важнейшие составляющие беседы. То, что вы сами говорите, имеет наименьшее значение».)

Одна из первых задач ведущего беседу заключается в установлении типа личности опрашиваемого – степени его интроверсии или экстраверсии. Большинство толкует слова «интроверт» и «экстраверт» весьма превратно. Экстраверты вовсе не всегда шумные и горластые, а интроверты не всегда застенчивы. Основная разница между названными типами заключается в стиле принятия решений. Интровертом в большей степени управляют интуиция и эмоции, нежели логика и разум; экстравертом – наоборот. Правильное определение личностного типа позволяет психологу точнее формулировать вопросы, выбирать тон и поведение, задавая их. К примеру, если вы начнете говорить с интровертом в резкой, отрывистой манере, он замкнется и общения не получится.

Впрочем, Ари Кобб оказался классическим экстравертом, и притом довольно заносчивым, в общении с ним не было нужды в «лайковых перчатках». Это был любимый тип Кэтрин. С ними бывало трудно, зато победа над их упрямством и высокомерием доставляла истинное удовлетворение. Кобб перебил ее:

– Вы слишком долго меня здесь задерживаете. Мне необходимо вернуться на работу. То, что произошло, случилось не по моей вине.

Кэтрин улыбнулась. С уважением, но довольно твердо она произнесла:

– Вопрос о вашей вине не стоит. Мы обсуждаем совсем другую проблему... А теперь, Ари, давайте поговорим о том, что случилось прошлым вечером.

– Вы не верите мне. Вы считаете меня лжецом. В момент совершения преступления меня там не было.

– Я вовсе не считаю вас лжецом. Но вы могли видеть нечто такое, что может оказаться нам весьма полезным. Что-то такое, что вы сами не считаете важным. Дело в том, что я стараюсь помочь людям вспомнить то, что они могли забыть. В этом заключается существенная часть

моей работы. Давайте еще разок пройдемся по событиям вчерашнего вечера, и, может быть, что-то вам и вспомнится.

– Я ничего не видел. Я просто потерял деньги. И все. Ну и повел себя по-дурацки. И теперь из-за моей дурости мне готовы пришить дело государственной важности. Хрень какая-то.

– Давайте все-таки вернемся к вчерашнему вечеру. И не будем торопиться. Вы работали у себя в офисе. «Стенфелд бразерс инвестментс». В Хартсфилд-билдинг.

– Да.

– Весь день?

– Весь.

– В каком часу вы ушли с работы?

– В семь тридцать. Возможно, чуть-чуть раньше.

– И чем вы занимались потом?

– Пошел в «Ганновер» выпить.

– На Уотер-стрит, – добавила она.

Опрашиваемые должны постоянно гадать, что вам о них известно.

– Да. Вчера там был вечер «Мартини и караоке». Они называют такие вечера «Мартюни». Так же, как мелодии.

– Очень остроумно.

– Я там встречаюсь с ребятами. С друзьями. Близкими друзьями.

По реакции Кобба Кэтрин поняла, что он хотел что-то добавить. А возможно, просто ожидал от нее вопроса о том, как их зовут. Готовность тотчас предоставить алиби, как правило, является одним из надежных свидетельств возможного обмана. Люди такого плана часто склонны полагать, что достаточно предложить доказательства своей невиновности и полиция не станет их проверять или что сотрудники полиции недостаточно умны, чтобы догадаться, что факт выпивки с друзьями в 20:00 не исключает возможности участия в воровстве в 19:30.

– Когда вы ушли оттуда?

– В девять или около того.

– И отправились домой?

– Да.

– В Верхний Ист-Сайд.

Кивок.

– Вы сели в обычное такси или наняли лимузин?

– Конечно, нанял лимузин, – отозвался Ари с едким сарказмом. – Поехал на метро.

– С какой станции?

– С «Уолл-стрит».

– Как вы шли туда?

– Осторожно, – ответил Ари с ироничной улыбкой. – Было скользко.

Кэтрин тоже улыбнулась:

– Каким путем?

– Я шел по Уотер-стрит, затем через Сидар перешел на Бродвей, а потом свернул на юг.

– Расскажите мне поподробнее об этом участке Сидар-стрит.

– А что рассказывать? Ничего жуткого я там не видел – ни убийц, ни маньяков, ни привидений. В такое время она обычно безлюдна. Я замерз. И потому ни на что особенно не обращал внимания.

– Не было никаких машин?

– Вроде бы нет. А почему вы спрашиваете?

– Знаете, память иногда нас очень сильно подводит или играет с нами странные шутки, – ответила Кэтрин. – Итак, вы идете по Сидар-стрит, проходите мимо переулка. И не видите ничего необычного?

– Нет, ничего. – Он бросил взгляд на три золотых кольца на двух пальцах Кэтрин и серебряные сережки в виде дельфинов.

– Именно там вы и потеряли свои деньги. Как это произошло? – В ее тоне и вопросах не было совершенно ничего угрожающего, и Ари явно расслабился. Его отношение к ней стало значительно менее агрессивным. Приятная улыбка Кэтрин и ее низкий спокойный голос успокаивали.

– Насколько я помню, они выпали у меня из кармана, когда я вытаскивал проездной на метро.

– Напомните, пожалуйста, сколько их там было?

– Триста.

– Ого!

– Вот именно, ого...

Кэтрин кивнула на пластиковый пакет с деньгами и зажимом.

– Кажется, это произошло сразу же после того, как вы их взяли из банкомата? Самый неприятный момент для потери денег, правда?

– Правда. – Кобб изобразил на лице кислую улыбку.

– Во сколько вы вошли в метро?

– В девять тридцать.

– Не позже, вы уверены?

– Абсолютно. Я уже на платформе посмотрел на часы. Если уж быть совсем точным, то в девять тридцать пять. – Он посмотрел на часы, большие, золотые, фирмы «Ролекс», тем самым, по-видимому, желая подчеркнуть, что такие дорогие часы не могут врать.

– А потом?

– Вернулся домой, поужинал в баре неподалеку. Жена моя сейчас в отъезде. Она адвокат. Занимается юридическими вопросами финансовой деятельности частных компаний.

– И когда вы пришли домой?

– Около одиннадцати. Им ведь сказала консьержка. – Вновь кивок в сторону Селитто. – Но они все равно не верят.

– Давайте вернемся на Сидар-стрит. Она была освещена? Люди возвращались домой?

– Нет. Там только офисы и магазины. Жилых зданий там нет.

– И ресторанов тоже нет?

– Есть несколько, но они работают только днем в обеденное время.

– Какое-нибудь строительство в окрестностях?

– На южной стороне улицы ремонтируется дом.

– Был ли кто-нибудь на тротуарах?

– Никого.

– Какие-нибудь машины, которые ехали подозрительно медленно?

– Не заметил, – ответил Кобб.

Кэтрин чувствовала, что остальные присутствующие внимательно следят за ней и Коббом. Они явно с нетерпением ждали – как и большинство зрителей в подобных ситуациях – главного «момента признания». Кэтрин старалась не обращать на них внимания. Для нее не существовало никого, кроме нее самой и допрашиваемого. Она находилась в своем собственном замкнутом мире – в «зоне», как выразился бы ее сын Уэс.

Она просмотрела сделанные записи, после чего закрыла блокнот и сменила одни очки на другие, так, словно переходила от очков для чтения к обычным. На месте больших круглых стекол и оправы пастельного цвета появились маленькие квадратные стекла и черная металличе-

ская оправа, отчего вид у Кэтрин сделался по-настоящему хищный. Она называла их «очками Терминатора». Кэтрин подвинулась ближе к Ари. Кобб скрестил ноги.

Более резким тоном, чем раньше, она спросила:

– Ари, где вы на самом деле взяли эти деньги?

– Что...

– Деньги. Вы ведь получили их не из банкомата. – Именно когда он говорил о деньгах, Кэтрин отметила внезапное повышение уровня стресса: он не отвел взгляда, но веки слегка дрогнули и дыхание немного участилось – довольно значительные отклонения от исходного уровня.

– Вы ошибаетесь. Я получил их именно из банкомата, – возразил он.

– Какого банка?

Пауза.

– Вы не имеете права заставлять меня отвечать на подобные вопросы.

– Но мы можем проверить ваши банковские счета. И имеем право задерживать вас здесь до тех пор, пока не получим всей нужной нам информации. На что может уйти день или даже два.

– Я пользовался гребаным банкоматом!

– Я не об этом вас спрашивала. Я спросила: откуда у вас те деньги, что находились в зажиме.

Он опустил глаза.

– Вы не были до конца честны со мной, Ари. А это значит, что у вас серьезные проблемы.

А теперь о деньгах.

– Не знаю. Возможно, часть из них я взял из малой кассы своей фирмы.

– Вчера?

– Думаю, что да.

– Сколько?

– Я...

– Мы можем проверить бухгалтерские документы и вашего работодателя.

На лице Ари отобразился ужас.

– Тысячу долларов, – выпалил он.

– А где остальные? В зажиме для денег всего триста сорок долларов. Где же остальные?

– Часть из них я потратил в «Ганновере». Это деловые траты. В них нет ничего противозаконного. Моя работа...

– Я спрашивала, где остальные?

Пауза.

– Кое-что я оставил дома.

– Дома? Миссис Кобб вернулась? Она может подтвердить ваши слова?

– Нет, она все еще в отъезде.

– В таком случае нам придется послать полицейского, чтобы он нашел деньги. Где они у вас лежат?

– Не помню.

– Пятьсот долларов? Разве можно забыть, куда вы положили пятьсот долларов?

– Не знаю. Вы меня напугали. Я запутался.

– Что вы заказывали в баре на ужин вчера вечером?

– Я просто купил гамбургер.

– Только гамбургер?

– Гм... картошку фри.

– Кто вас обслуживал?

– Гм... бармен. Там было слишком много народу и не было свободных столиков.

- Как зовут бармена?
- Э-э-э... Джек. Фамилии не знаю. Если вы...
- Как вы оплачивали счет?
- Наличными.
- И сколько заплатили?
- Около десяти долларов.
- Вы брали какие-нибудь напитки?
- Два раза заказывал пиво.
- И это – гамбургер и два пива – вам обошлось в десять долларов. Не маловато ли?
- Десять долларов стоил только гамбургер.
- Я спросила вас, сколько вы вообще заплатили, а не только за один гамбургер.
- Я подумал, что вы спрашиваете про гамбургер.

Задержки в считанные доли секунды практически перед ответом на каждый из бесчисленных мелких вопросов Кэтрин свидетельствовали, что Ари Кобб вчера вечером в баре не был. Она подвинулась ближе, заняв еще более угрожающее положение.

- Итак, чем же вы на самом деле занимались на Сидар-стрит?
- Шел в гребаное метро.

Кэтрин взяла карту Манхэттена.

– Вот где «Ганновер». А вот где вход в метро. – Каждый раз, касаясь пальцем карты, она громко ударяла им по плотной бумаге. – Совершенно бессмысленно идти по Сидар-стрит, чтобы добраться от «Ганновера» до станции метро на Уолл-стрит. Почему вы решили идти именно этим путем?

- Мне захотелось пройтись. Поразмять косточки.

– Пройтись по обледенелым мостовым в такой мороз? Вы часто занимаетесь подобным спортом?

- Не-а... Только вчера вечером.

– Но если вы редко совершаете такие прогулки, откуда вам так много известно о Сидар-стрит? То, что там нет жилых домов, во сколько закрываются рестораны, что одно из зданий на улице ремонтируется?

- Просто знаю, и все. Черт, к чему вы клоните? – На лбу Ари выступили капельки пота.

– Когда вы потеряли деньги, вы снимали перчатки, чтобы вытащить из кармана проездной на метро?

- Не помню.

- Полагаю, что снимали. Нельзя засунуть руку в карман в зимней перчатке.

- Ну вот, – огрызнулся Ари, – вы знаете больше меня.

– И почему же на таком морозе вам пришлось в голову доставать проездной за десять минут до того, как вы вошли в метро?

- Вы не имеете права разговаривать со мной в таком тоне.

– И вы ведь не смотрели на часы, оказавшись на платформе метро, не так ли? – произнесла Кэтрин тихо, но твердо.

- Нет, как раз смотрел. Было девять тридцать пять.

– Неправда. Невозможно поверить, чтобы вы стали демонстрировать наручные часы за пять тысяч долларов на платформе подземки поздно вечером.

- Ладно, хватит. Я больше ничего не скажу.

Когда во время допроса подозреваемый лжет, он испытывает сильнейший стресс и начинает искать самые разные способы избежать его. Наиболее деструктивной и сложной реакцией в подобном случае является гнев, за которым следует депрессия, затем отрицание и, наконец, попытка торговаться с допрашивающим. Задача последнего состоит в том, чтобы определить

характер стрессовой реакции подозреваемого и нейтрализовать ее, а затем и все дальнейшие, пока допрашиваемый не достигнет стадии принятия, то есть признания.

Кэтрин поняла: несмотря на то что Кобб проявляет гнев, он все еще находится в стадии отрицания. Такие подозреваемые, как правило, очень быстро начинают ссылаться на проблемы с памятью и обвинять допрашивающего в том, что он неправильно истолковал их слова. Самый лучший способ сломать сопротивление человека, находящегося в стадии отрицания, – сделать то, что сделала Дэнс: осуществить атаку на факты. Если общаетесь с экстравертом, вам просто следует демонстрировать все слабости и противоречия в их словах до тех пор, пока их защитные механизмы не рухнут окончательно.

– Ари, вы ушли с работы в семь тридцать и отправились в «Ганновер». Это нам известно. Вы находились там примерно полтора часа. Затем вы по какой-то причине пошли круглым путем, миновав два квартала, к Сидар-стрит. Вам хорошо известна Сидар-стрит, потому что там вы находите проституток. Вчера вечером вскоре после девяти часов одна из них остановила свой автомобиль рядом с переулком. Вы договорились о цене и заплатили. Затем сели в ее машину. Вышли из нее около десяти пятнадцати. Вот тогда-то вы и выронили деньги на мостовую, возможно, в тот момент, когда вынимали сотовый, чтобы проверить, не звонила ли вам жена, или просто чтобы дать девушке чаевые. Тем временем в переулок заехал убийца. Вы заметили его и увидели что-то еще. Что? Что вы увидели?

– Нет, я не...

– Да, вы увидели, – спокойно, но настойчиво произнесла Кэтрин. Она пристально всматривалась в него.

В конце концов Кобб опустил голову и весь как-то обмяк. Губы его дрожали. Он еще не дошел до стадии признания, тем не менее ей удалось его продвинуть на один шаг в последовательности реакций на стресс – от отрицания до попытки договориться. Теперь настало время сменить тактику и самой Кэтрин. Необходимо проявить сочувствие и предложить ему вариант исправления ситуации. Даже наиболее готовые к сотрудничеству допрашиваемые будут на этой стадии продолжать лгать или отмалчиваться, если вы не поддержите в них чувство собственного достоинства и не предоставите им возможность избежать худших последствий содеянного.

Она сняла очки и откинулась на спинку кресла.

– Послушайте, Ари, мы не хотим ломать вам жизнь. Вы напуганы. Что вполне естественно. Но мы пытаемся остановить очень опасного преступника. Он уже убил двоих и, возможно, собирается убить еще нескольких. Если вы сможете помочь нам найти его, все, что мы узнали о вас сегодня, останется между нами. Не будет никаких проверок документов, никаких звонков вашей жене и боссу.

Дэнс бросила взгляд на детектива Бейкера, и тот подтвердил:

– Могу дать полную гарантию.

Кобб тяжело вздохнул. Уставившись в пол, он пробормотал:

– Черт! Из-за каких-то трехсот дерьмовых долларов. И зачем я только решил вернуться туда сегодня утром?

Из-за жадности и глупости, подумала Кэтрин, а вслух сказала:

– Нам всем свойственно время от времени совершать ошибки.

Колебания. И снова тяжелый вздох.

– Все это полная ерунда. Я почти ничего не видел. Вы можете мне не верить. Практически ничего. Я даже и людей-то никаких не видел.

– Если вы будете действительно откровенны с нами, мы поверим всему, что вы скажете. Продолжайте.

– Было около десяти тридцати, может, немного позже. После того как я вышел из... машины девушки, я направился к входу в метро. Вы правы. Я остановился и вытащил из кар-

мана сотовый. Включил его и просмотрел поступившие сообщения. Думаю, именно тогда у меня и выпали деньги. Я находился в переулке, бросил взгляд на дорогу и увидел в самом конце свет задних огней автомобиля.

– Какого автомобиля? – спросила Амелия.

– самого автомобиля я не видел. Только свет задних огней. Клянусь вам.

Кэтрин поверила ему и кивнула Амелии.

– Минутку! – внезапно вмешался Райм. – В конце переулка?

Значит, криминалист все-таки внимательно их слушает.

– Да. В самом конце. Затем зажглись фары заднего хода, машина подалась назад и поехала по направлению ко мне. Она двигалась довольно быстро, а я продолжал идти. Потом я услышал визг тормозов, машина остановилась, водитель заглушил мотор. Автомобиль оставался в переулке. А я шел. И услышал, как хлопнула дверца и такой звук, как будто что-то металлическое упало на землю. Вот и все. Я никого не видел. Через несколько секунд я уже вышел из переулка. Клянусь.

Райм бросил взгляд на Кэтрин, и та кивнула – парень говорит правду.

– Опишите девицу, с которой вы провели время, – попросил Деннис Бейкер, – мне бы хотелось с ней тоже переговорить.

– За тридцать, афроамериканка, короткие курчавые волосы, – быстро проговорил Кобб. – Автомобиль, кажется, «хонда». Номеров не видел. Хорошенькая. – Последнее он произнес таким тоном, словно пытался оправдать свое поведение.

– Имя?

Кобб вновь тяжело вздохнул.

– Тиффани.

Райм едва слышно хохотнул.

– Позвоните в полицию нравов и спросите, какие девушки регулярно работают на Сидар-стрит, – приказал он Куперу.

Кэтрин задала еще несколько вопросов, затем кивнула Селитто и произнесла:

– Полагаю, мистер Кобб сообщил нам все, что ему известно. – Взглянула на молодого бизнесмена и совершенно искренне улыбнулась: – Спасибо за помощь.

Он заморгал, не зная, как воспринимать ее слова. Но сарказма в тоне Кэтрин не было никакого. Она никогда не обижалась на высказывания, злобные взгляды (а порой и плевки и швыряние в нее предметами) допрашиваемых. Специалист по кинесике всегда должен помнить, что его врагом является не допрашиваемый, а те барьеры на пути к истине, которые он воздвигает, порой совершенно непреднамеренно.

Селитто, Бейкер и Сакс несколько минут совещались, а затем решили отпустить Кобба, не предъявив ему никаких обвинений.

Легкомысленный бизнесмен ушел, бросив на Кэтрин взгляд, который ей был очень знаком, – в нем смешались благоговейный ужас, отвращение и ненависть.

После того как свидетель удалился, Райм, разглядывавший диаграмму места преступления, проговорил:

– Странно. По какой-то причине убийца решил, что ему следует расправиться с жертвой не в конце переулка, а ближе к началу, поэтому он отъехал назад и выбрал место на расстоянии пятнадцати футов от тротуара... Интересно. Но важно ли?

Амелия кивнула:

– Может быть, и важно. Кажется, в конце переулка вообще нет снега. И потому ту часть, наверное, не посыпали солью. И мы смогли бы обнаружить там следы ног или автомобильных покрышек.

Райм позвонил, воспользовавшись новейшей программой распознавания голоса, и отправил нескольких полицейских обратно на место преступления. Вскоре они перезвонили и

сообщили, что в конце переулочка удалось обнаружить свежие следы покрышек, а также коричневые волокна, совпадавшие с теми, что были найдены на обуви жертвы и на его наручных часах. Они сбросили на компьютер цифровые изображения волокон, следов и размеры колес.

Несмотря на отсутствие большого интереса к криминалистике, Кэтрин почувствовала, что заинтригована этими скрупулезными изысканиями. Райм и Сакс представляли собой в высшей степени профессиональную группу. На нее произвело сильное впечатление, когда десять минут спустя эксперт Мэл Купер поднял голову от компьютерного экрана и сказал:

– При таких характеристиках колесной базы и волокон, скорее всего, мы имеем дело с «фордом-эксплорером» со сроком эксплуатации в два-три года.

– Есть шанс, что он старше, – заметил Райм.

«Почему?» – подумала Кэтрин.

Амелия заметила озадаченное выражение у нее на лице и пояснила:

– Тормоза скрипели.

– А...

Селитто повернулся к Дэнс:

– Превосходно, Кэтрин. Вы его прижали к стенке.

– Как вам это удастся? – спросила Амелия.

Кэтрин подробно описала используемую ею методику.

– Я постепенно выуживала из него информацию. Еще раз прошлась по всему тому, что он нам рассказал: посещение бара после работы, метро, деньги и зажим, проход по переулочку, последовательность событий, их география, – и задала ему вопросы обо всем перечисленном. Я оценивала кинесическую реакцию на все мои вопросы. В особенности же он прореагировал на вопросы о деньгах. Значит, он сделал с ними что-то непозволительное. Бизнесмен экстра-вертного нарциссического типа. Я решила, что это, должно быть, либо наркотики, либо секс. Однако брокер, работающий на Уолл-стрит, вряд ли будет покупать наркотики на улице. Если он их употребляет, то должен пользоваться особыми связями. Оставались проститутки. Все очень просто.

– Супер, правда, Линкольн? – воскликнул Купер.

Криминалист пожал плечами, и Кэтрин удивилась, что он способен ими двигать. В ответ он произнес равнодушным тоном:

– Неплохо сработано. Мы получили сведения, которые в противном случае нам пришлось бы довольно долго добывать.

И снова отвернулся к диаграмме.

– Ну что ты, Линк! Теперь нам известна модель его машины. Если бы не Кэтрин, мы не имели бы этой информации. – Селитто подмигнул Дэнс. – Не обращайтесь внимания. Он не доверяет свидетелям.

Райм хмуро взглянул на детектива:

– У нас здесь не соревнования, Лон. Наша цель – истина, а по опыту я знаю: надежность информации, полученной от свидетелей, несколько меньше, чем у почерпнутой из анализа вещественных доказательств. Вот и все. Я никого не хотел обидеть.

Кэтрин кивнула.

– Как мы совпали с вами во мнении! Я говорю слушателям на своих лекциях: наша главная цель как сотрудников полиции заключается вовсе не в том, чтобы бросить за решетку как можно больше плохих парней, а в том, чтобы узнать правду. – Она пожалала плечами. – У нас в Калифорнии недавно был случай: подсудимого, приговоренного к смерти, оправдали за день до назначенной казни. Один мой знакомый частный детектив в течение трех лет добивался, чтобы адвокат осужденного докопался до сути происшедшего. Он никак не мог поверить, что все было именно так, как представляли материалы дела. От смерти заключенного отделяли

всего тринадцать часов, и выяснилось, что он совершенно невиновен... Если бы мой знакомый не добивался бы истины в течение всех тех лет, невинный человек был бы уже мертв.

– И я знаю, что произошло, – отозвался Райм. – Обвиняемый был осужден на основании лжесвидетельства, а благодаря анализу ДНК освобожден, верно?

Кэтрин повернулась к нему:

– Нет, никаких свидетелей убийства не было. Настоящий убийца подделал улики таким образом, что подозрение пало на этого человека.

– Ну как? – произнес Селитто, и они с Амелией обменялись улыбками.

Райм холодно взглянул на них обоих.

– Что ж, – сказал он, обращаясь к Кэтрин, – всякое может случиться. А теперь я лучше вернусь к работе. – И он снова развернулся к доске.

Дэнс попрощалась со всеми присутствующими, натянула пальто, и Лон Селитто проводил ее на улицу. Там она вставила в уши наушники и включила плеер. В списке ее любимых произведений были фолк-рок, традиционные ирландские мелодии и немного «Роллинг стоунз» (однажды на концерте она по просьбе своего мужа и друзей провела кинесический анализ Мика Джаггера и Кита Ричардса).

Кэтрин уже махнула рукой, подзывая такси, когда вдруг поняла, что ее что-то мучает. Прошло несколько мгновений, прежде чем ей удалось разобраться в своих чувствах. Она испытывала подспудное сожаление из-за того, что ее работа с делом Часовщика продолжалась так недолго и уже закончилась.

Джоанна Харпер чувствовала себя великолепно.

Элегантная тридцатидвухлетняя дама сидела в собственной мастерской на расстоянии нескольких кварталов к востоку от своего цветочного магазина в Сохо в окружении «друзей».

Ее «друзьями» были розы, орхидеи цимбидиум, райские птицы, лилии, геликонии, красный антуриум и красный имбирь.

Цех располагался на первом этаже в обширном помещении, которое раньше сдавалось под склады. Здесь постоянно сквозило, было холодно и большей частью темно, так как многие растения нуждались в защите от излишнего света. Тем не менее Джоанне очень нравилось в мастерской: прохлада, тусклое освещение, аромат сирени и удобрений. Оставаясь в самом центре Манхэттена, она могла чувствовать себя в лесной чаще.

Джоанна добавила еще немного пены в стоявшую перед ней большую керамическую вазу.

Она чувствует себя превосходно... По двум причинам: потому что работает над очень выгодным проектом, в котором располагает полной свободой действий, и потому что у нее еще не прошел потрясающий кайф от вчерашнего свидания. С Кевином, который знает, что бругмансии для хорошего роста нужна исключительно надежная система дренажа, что красный очиток весь сентябрь цветет ярко-малиновыми цветами и что благодаря Донну Кленденону «Метсы» побили «Балтимор» в 1969 году.

Кевин – клевый парень. Кевин с его ямочками и обворожительной улыбкой. Sans⁴ бывших и нынешних жен.

Можно ли представить себе что-либо лучше?

На витрине появилась какая-то тень. Джоанна взглянула в ту сторону – никого. Мастерская располагалась на безлюдном отрезке Ист-Спринг-стрит, и прохожие здесь были очень редки. Она внимательнее посмотрела на окна. Надо обязательно сказать Рамону, чтобы вымыл их. Хотя, наверное, стоит подождать погоды потеплее.

И Джоанна продолжила оформлять вазу, думая о Кевине. Получится у них что-нибудь серьезное или нет?

⁴ Без (*фр.*).

Возможно.

А может, и нет.

На самом деле это не имеет принципиального значения (конечно, имеет, но тридцатидвухлетняя ОГЖ – одинокая городская женщина – не должна обращать внимания на такие вещи). Как бы то ни было, вчера у них все великолепно получилось. По прошествии нескольких лет после развода Джоанна наконец почувствовала необходимость поразвлечься с новым мужчиной.

Джоанна Харпер, очень похожая на «рыжую» из «Секса в большом городе», приехала сюда десять лет назад, чтобы стать знаменитой художницей, жить в шикарной студии в Ист-Виллидж и продавать картины в галереях района Трайбека. Но мир искусства судил иначе. Он предпочитал жесткое, пошлое, ну и, в общем, нехудожественное. От произведения искусства требовалось, чтобы оно было либо шокирующим, либо безумным, либо суперсексуальным. Джоанна решила отказаться от живописи и какое-то время занималась графическим дизайном, но и он ее разочаровал. По минутной прихоти она устроилась на работу в компанию по флористическому оформлению интерьеров в районе Трайбека и практически сразу влюбилась в эту профессию. Джоанна пришла к выводу, что если ей суждено терпеть лишения, то пусть уж лучше она будет голодать, занимаясь тем, к чему чувствует страстное влечение.

Парадокс, однако, состоял в том, что она добилась успеха. Несколько лет назад Джоанна сумела основать собственную компанию. Теперь в нее входили магазин на Бродвее и цех на Спринг-стрит, обслуживавшие компании и организации, ежедневно поставлявшие цветы в офисы, а также занимавшиеся оформлением встреч, торжественных церемоний и мероприятий разного рода.

Джоанна продолжала украшать вазу флористической пеной, травой, веточками эвкалипта и шариками. Цветами она займется в самую последнюю очередь. В помещении был пронизывающий холод, и по спине у нее время от времени пробегала дрожь. Она бросила взгляд на часы, висевшие на тусклой стене мастерской. Ждать остается совсем недолго, подумала она. Сегодня Кевину нужно развести парочку заказов. Он позвонил утром и сообщил, что будет к полудню. И, эй, если ты не слишком занята, мы смогли бы сходить куда-нибудь выпить чашку капучино. Кофе на следующий день после свидания? Да, конечно...

И вновь на окно упала тень.

Джоанна быстро подняла глаза на витрину. Никого. В это мгновение она впервые ощутила настоящее беспокойство и перевела взгляд на парадную дверь, которой никогда не пользовалась. Перед ней была навалена гора коробок. Дверь заперта... Заперта ли?

Джоанна попыталась попристальнее взглянуть в то, что происходит на улице, но яркое зимнее солнце слепило глаза. Тогда она встала, обошла рабочий стол, чтобы окончательно удостовериться, что рядом с окном никого нет и что дверь действительно заперта.

Проверила замок. Да, закрыто. Подняла глаза, и у нее перехватило дыхание.

На расстоянии нескольких футов от нее на тротуаре за окном стоял громадных размеров мужчина и пристально смотрел на нее. Высокий и толстый, он наклонился вперед и, прикрыв глаза ладонью от солнца, всматривался в витрину мастерской. На нем были старомодные авиационные темные очки с зеркальными линзами, бейсболка и серовато-белая длинная куртка с капюшоном. Из-за яркого солнца и грязи на окнах он не понял, что она находится прямо перед ним.

Джоанна застыла от ужаса. Прохожие иногда из любопытства заглядывали в ее мастерскую, но в позе незнакомца, в том, как он нависал над витриной, было что-то такое, от чего мороз пробежал по коже. Парадная дверь из обычного стекла. Ее можно разбить простым молотком или кирпичом. А при абсолютном отсутствии пешеходов в этой части Сохо нападение может пройти никем не замеченным. Джоанна сделала шаг назад.

Возможно, его глаза привыкли к яркому свету или ему удалось отыскать чистый участок стекла. Как бы то ни было, он заметил Джоанну. И, несколько озадаченный, отшатнулся от окна. Казалось, он о чем-то раздумывал, на что-то решаясь. Затем повернулся, отошел от витрины и исчез.

Подойдя вплотную, Джоанна прижалась лицом к окну, но, как ни всматривалась, не смогла разглядеть, куда он пошел. В мужчине было что-то жуткое. В том, как он стоял, сгорбившись, наклонив голову, засунув руки в карманы, вглядываясь внутрь мастерской сквозь солнечные очки.

Джоанна отодвинула вазу в сторону и снова посмотрела на улицу. Никаких признаков подозрительного незнакомца. У нее возникло сильное желание тут же уйти из мастерской в магазин, просмотреть там утренние заказы и поболтать с сотрудниками до прихода Кевина.

Джоанна надела пальто, колебалась еще несколько минут, а потом вышла через служебную дверь. Прежде чем идти дальше, оглядела улицу. Никого. Она направилась в сторону Бродвея, на запад, туда, куда, вероятно, пошел тот громила. Джоанна шагнула на участок улицы, освещенный ярким солнцем. Там было почти жарко. Блеск ослепил ее, она прищурилась в панике. Ушел ли тот человек? Или он ждет ее, где-нибудь затаившись?

Она решила сменить направление, пойти на восток, чтобы попасть на Бродвей через Принс-стрит. Эта местность более пустынна, но по крайней мере не придется проходить по переулкам и тупикам. Джоанна поплотнее запахнула пальто и, опустив голову, быстрым шагом пошла по улице. Вскоре образ жуткого толстяка улетучился у нее из памяти, вытесненный воспоминаниями о Кевине.

Деннис Бейкер отправился в центр сообщить об их продвижении, остальные вернулись к изучению материалов дела.

Зазвонил факс, и Райм взглянул на аппарат с надеждой, что пришло нечто важное. Но поступившая информация предназначалась для Амелии Сакс. Пока она читала, Райм внимательно наблюдал за ней. Он знал это выражение ее лица. Как у собаки, идущей по следу лисы.

– Что там, Амелия?

Она покачала головой:

– Анализ материалов из дома Бена Крили в Уэстчестере. Соответствия найденных отпечатков имеющимся в базе данных ИАФИС не отмечено, но на каминном инструментарии и на рабочем столе Крили обнаружены следы кожи. Кому могло прийти в голову открывать ящики стола в кожаных перчатках?

Конечно, базы данных с отпечатками перчаток не существовало. Однако, если Амелии удастся найти подобную пару у подозреваемого, она станет серьезной уликой в пользу его виновности.

Она продолжала чтение.

– А грязь, которую я обнаружила перед камином... Она не совпадает по характеристикам с грязью во дворе дома Крили. Более высокое содержание кислот и ряда загрязняющих веществ. Создается впечатление, что она была занесена туда из какой-то промзоны. В камине имеются следы сожженного кокаина. – Она посмотрела на Райма и лукаво улыбнулась. – Да, кажется, жертва первого расследуемого мной убийства вовсе не так невинна, как можно было предположить.

Райм пожал плечами:

– Кто бы ни стал жертвой, монахиня или наркоторговец, убийство остается убийством. Что там еще у тебя?

– Пепел, который я нашла в камине. В лаборатории не удалось почти ничего восстановить, но они обнаружили вот это. – Амелия протянула Райму фотографию того, что напоминало бухгалтерские книги, ведомости или гроссбух, в которых значились миллионные суммы. –

Эксперты нашли часть какого-то логотипа на grossбухе. Они продолжают анализ. А затем пошлют криминалисту, специализирующемуся в бухгалтерии, он попытается разобраться. Кроме того, они обнаружили часть календаря Крили. Там есть запись о заливке автомобильного масла, о стрижке в парикмахерской. Вряд ли все упомянутое стал бы планировать человек, собиравшийся покончить с собой. А накануне гибели он ходил в закусочную «Сент-Джеймс». – Она постучала пальцем по листу бумаги, на котором было отпечатано содержимое календаря. Затем была получена информация от Нэнси Симпсон с описанием места. Бар на Восточной Девятой улице. Район с весьма сомнительной репутацией. С какой стати финансисту с доходом в миллион долларов идти туда? Выглядит довольно странно.

– Вовсе не обязательно.

Она проследила за взглядом Райма, а затем прошла в угол комнаты. Он проследовал за ней в своем кресле.

Амелия присела на корточки рядом. Райму хотелось, чтобы она взяла его за руку (чувствительность частично восстановилась в пальцах правой руки и в запястье, и для Райма теперь очень большое значение имели рукопожатия). Нет – между их личной и профессиональной жизнью пролегла тонкая грань, и Амелия сохраняла внешнюю отчужденность.

– Райм, – прошептала она.

– Я знаю, что...

– Позволь мне договорить.

Он пробурчал что-то недовольное.

– Я должна продолжать это дело.

– Нельзя забывать о приоритетах. Твое дело не такое срочное, как дело Часовщика, Амелия. Что бы ни случилось с Крили, даже если с ним действительно кто-то расправился, его убийца не столь опасен, как Часовщик. Он у нас первый на очереди. Все материалы по делу Крили мы внимательно рассмотрим и проанализируем после того, как накроем нашего парня.

Амелия покачала головой:

– Я не согласна, Райм. Я нажала на спуск. Я начала задавать вопросы. И ты прекрасно знаешь, что за этим следует. О деле быстро распространятся слухи. И у нас из-под носа станут разбегаться подозреваемые и исчезать улики.

– А Часовщик, возможно, уже в данный момент держит кого-то на прицеле. А может быть, и убивает кого-то... И поверь мне, если он совершит еще одно преступление, которое мы провороним, нам, а не кому-нибудь придется за него расплачиваться. Бейкер говорил мне, что запрос на наши услуги пришел с самого верха.

– Я ничего не провороню. У тебя свое дело, у меня – свое. Если Боу Хауманн решит проводить тактическую операцию, я буду участвовать.

Райм нахмурился, изображая преувеличенное неудовольствие:

– Тактическую? К десерту не приступают, пока не доедены овощи.

Она рассмеялась, и он наконец почувствовал ее крепкое и теплое рукопожатие.

– Да ладно тебе, Райм. Мы ведь подданные царства копов. Ты что, не знаешь его законов? Никто не работает только над одним делом. Большинство столов детективов по особо тяжким преступлениям завалены десятками папок. Почему бы мне не заниматься сразу всего лишь двумя? Я справлюсь.

Райма беспокоило нечто другое, но что, он и сам толком не мог понять. После небольшого колебания он сказал:

– Будем надеяться, Сакс. Будем надеяться.

Лучшее благословение, на какое он был способен.

Глава 8

13:25

«Он приходил сюда?!»

Амелия Сакс стояла рядом с цветочным горшком, от которого несло мочевиной. Оттуда торчал засохший желтый стебель. Она заглянула в грязное окно.

Узнав адрес, Амелия сразу же поняла, что место будет не из лучших, но такого предположить не могла. Она стояла у закуской «Сент-Джеймс», на краю торчащей из мостовой сломанной бетонной плиты. Бар находился на Восточной Девятой улице, в Алфавет-Сити, получившем это название благодаря улицам, проходившим здесь с севера на юг: А, В, С и D. Несколько лет назад здешний район – остаток прежних пустырей в Нижнем Ист-Сайде, на которых властвовали местные банды, – пользовался весьма дурной славой. За последнее время его репутация несколько улучшилась, однако в глазах большинства он все еще оставался районом крайне подозрительным. Под ногами у Амелии в снег была воткнута использованная игла, а на подоконнике на расстоянии шести дюймов от ее физиономии лежал одноразовый шприц.

Что, черт возьми, забыл в подобном месте крупный финансист, инвестор, располагавший значительными капиталами, владелец дорогой недвижимости и шикарного автомобиля Бенджамин Крили? Что он мог делать здесь накануне своей гибели?

Сейчас, днем, большая и грязная забегаловка не была заполнена и наполовину. Сквозь замызганные окна Амелия разглядела у барной стойки и за столами нескольких местных стариков, рыхлых, расплывшихся женщин и тощих, костлявых мужчин, получавших большую часть своих дневных калорий из бутылки со спиртным. В задней комнатенке собрались панки – белые, в джинсах, комбинезонах и рабочих рубашках. Их было четверо, все разговаривали очень громко – даже сквозь окно Амелия слышала грубые голоса и хриплый хохот. Она сразу вспомнила тех панков, что часами просиживают в старых мафиозных клубах. Некоторые из них тупые, ни на что дельное не способные ребята, другие просто лентяи, но все как один наглые и опасные. Ей было достаточно одного взгляда, чтобы понять: эти из самых задиристых.

Войдя в бар, Амелия нашла табурет в самом конце барной стойки, загнутой буквой L, где она была меньше заметна. Барменом здесь работала женщина лет пятидесяти с узким лицом и ярко-красным маникюром, прической напоминая исполнителя песен в стиле кантри со Среднего Запада. Во всем ее облике чувствовалась страшная усталость. Бедняга выглядит так, подумала Сакс, не из-за того, что ей пришлось повидать в таких барах, а из-за того, что и видала-то она в своей жизни только такие бары.

Детектив заказала диетическую колу.

– Эй, Соня! – послышался голос из заднего помещения. Посмотрев в грязное зеркало за барной стойкой, Амелия поняла, что голос принадлежит блондину в узких джинсах и кожаной куртке. Лицом он был похож на хорька и явно пил уже не первый час. – Дики хочет, чтобы ты пришла. Он ведь скромняга. Ну, иди. Развлеки нашего скромнягу.

– Пошел ты!.. – крикнул кто-то еще. Наверное, Дики.

– Ну, Соня, милашка, иди! Посиди на коленях у мальчугана. Тебе понравится. Там все ровно и гладко. Ни кочек, ни выступов.

Хохот и улюлюканье.

Соня, конечно, понимает, что они и над ней смеются, делая предметом своих унижительных шуток, тем не менее отвечает им игривым тоном:

– Дики? Да он же моложе моего сына.

– Все нормально, дорогуша, он любит заниматься этим с мамочкой!

Дикий хохот из задней комнаты.

Соня встретила взглядом с Амелией и тут же отвела глаза, словно ее застали за участием в надругательстве над честью и достоинством всех женщин мира. Однако у пьяных есть одно преимущество: они ни на чем не способны задерживаться надолго – будь то радость или жестокость, – и вскоре они перешли к спорту и грубым анекдотам. Амелия глотнула газировки и обратилась к Соне с вопросом:

– Ну и как оно?

Барменша ответила непроницаемой улыбкой.

– Нормально.

Ей было неприятно сочувствие со стороны более молодой и более привлекательной женщины, которой не приходится обслуживать отвязных посетителей в баре, подобном этому.

Что ж, ее можно понять. Амелия сразу перешла к делу. Она молча продемонстрировала свою бляху сотрудника нью-йоркской полиции, а затем показала фотографию Бенджамина Крили.

– Вы его здесь когда-нибудь видели?

– Его? Да, несколько раз. А что такое?

– Вы его знали?

– Да, собственно, нет. Просто продавала ему выпивку. Вино, насколько помню. Он всегда просил, чтобы ему принесли красное вино. У нас тут дерьмовое вино, однако он не возражал. Выглядел таким джентльменом. Был не похож на некоторых из тех, что сюда часто заходят. – И без взгляда в заднюю комнату было ясно, кого она имеет в виду. – Но я уже давно его не видела. Наверное, месяц. В последний раз он ввязался здесь в драку, так что я решила, что он больше не придет.

– И что же случилось?

– Не знаю. Я просто услышала какие-то крики и потом увидела, как он вылетел в дверь.

– А с кем он повздорил?

– Я ничего не видела. Только слышала.

– А вы, случайно, не замечали, он не употреблял наркотики?

– Нет.

– А вам известно, что он покончил с собой?

Соня заморгала.

– Черт!.. Нет.

– Мы расследуем обстоятельства его смерти. Поэтому, пожалуйста, не распространяйтесь пока ни с кем на эту тему. Я буду вам очень признательна.

– Да, конечно.

– А вы можете мне что-нибудь о нем рассказать?

– О господи, я даже не знаю его имени. Наверное, он был здесь раза три. А у него есть семья?

– Да.

– Тяжело им придется. Ничего не попишешь.

– Остался мальчик-подросток.

Соня печально покачала головой и добавила:

– Может, Герта знала его лучше. Она второй бармен. Она работает чаще, чем я.

– Сейчас она здесь?

– Нет. Но скоро придет. Хотите, чтобы я попросила ее вам перезвонить?

– Дайте мне ее номер.

Барменша записала его на клочке бумаги. Амелия наклонилась вперед и кивнула на фотографию Крили:

– Он ни с кем здесь не встречался?

– Я знаю только, что ходил он вон туда. Где они обычно сидят. – И она кивнула в сторону задней комнаты.

Бизнесмен-мультимиллионер – и такое отребье? Возможно, двое из них и вломились в уэстчестерский особняк Крили и устроили «пикник» у его камина?

Амелия взглянула в зеркало, обвела глазами стол, заваленный пивными бутылками, пепельницами, обглоданными куриными крылышками. Те ребята, должно быть, состояли в какой-то бандитской группировке. Возможно, молодые капо из мафиозного подразделения. В городе полно районов, в которых хозяйничали свои Сопрано⁵. В основном это были мелкие воры и вымогатели, но часто они сбивались в группы, которые могли стать опаснее традиционной мафии, как правило, избегавшей непосредственного столкновения с гражданским населением, торговли крэком и денатуратом и прочих наиболее низменных проявлений криминальной вселенной. Амелия попыталась освоиться с мыслью о том, что у Бенджамина Крили могли быть связи с гангстерами. Непросто вообразить подобное.

– Вы видели у него марихуану, кокаин, вообще какие-либо наркотики?

Соня отрицательно покачала головой:

– Нет.

Амелия наклонилась вперед и прошептала:

– А вы не знаете, с какой группой он был связан?

– Группой?

– Бандой. Вам известно, кто у них главарь, кому они подчиняются?

Мгновение Соня ничего не отвечала. Она смотрела на Амелию с таким видом, словно хотела удостовериться, говорит ли та серьезно, а затем рассмеялась:

– Какая банда! Я думала, вы знаете. Они ж полицейские.

Наконец из антитеррористического подразделения прибыли часы – «визитные карточки» Часовщика с удостоверением их полной чистоты по всем параметрам.

– Ах, они все-таки не обнаружили в них никакого микроскопического оружия массового уничтожения? – ядовито заметил Райм. Его раздражало, что часы у него забрали и затем задержали с возвращением.

Пуласки подписал все необходимые бумаги по поводу получения вещественных доказательств по делу, и патрульный полицейский, принесший их, ушел.

– Посмотрим, чем мы располагаем. – Райм подъехал на своем кресле к столу. Купер тем временем вынимал часы из пластиковых мешочков.

Они были абсолютно одинаковые; единственное, что отличало их, была кровь, запекшаяся у основания часов, оставленных на пирсе. Часы производили впечатление довольно старых и заводились вручную. Но детали были совсем новые.

Механизм находился внутри в запечатанной коробке, которую вскрыли в антитеррористическом подразделении. Тем не менее часы продолжали идти и показывать правильное время. Корпус был деревянный, выкрашенный в черный цвет, а циферблат – из белого металла, стилизованного под старину. Цифры – римские; часовая и минутная стрелки, также черного цвета, заканчивались имитацией острых стрел. Секундная стрелка отсутствовала, тем не менее часы громко отсчитывали каждую секунду.

Самым необычным в них было широкое окошечко в верхней части циферблата, в котором виднелся диск с изображением фаз Луны: новолуние, первая четверть, полнолуние, последняя четверть и вновь новолуние. В самом центре окошечка теперь маячила полная луна,

⁵ Имеется в виду мафиози Тони Сопрано, персонаж одноименного криминально-драматического телесериала режиссера Д. Чейза.

уподобленная зловещему человеческому лицу, угрожающе взирающему на мир, поджав тонкие губы.

«В небе полная Холодная луна...»

Купер с присущей ему тщательностью осмотрел часы и сообщил, что на них нет отпечатков и вообще очень мало каких-либо следов, которые соответствуют образцам, собранным Амелией на обоих местах преступления. Это значит, что часы были взяты не из машины и не из квартиры Часовщика.

– Создается впечатление, что сзади имелись этикетки, – добавил эксперт, – но их удалили. Остались треугольники клеящего вещества. Однако они слишком велики для ценников и вряд ли сообщали какую-то информацию о производителе. Она вытиснена на деревянном корпусе.

– На стикерах, возможно, указывалось место продажи, – предположил Пуласки.

– Ты думаешь? – переспросил Райм с таким сарказмом в голосе, что у Рона на лице невольно появилось возмущенное выражение. – Кто их производит?

– «Арнольд продактс». Фрэммингем, Массачусетс. – Купер вошел в «Гугл» и прочел с сайта. – Они продают часы, кожаные изделия, предметы оформления офиса, подарки. Довольно высокого качества. Продукция не дешевая. Десяток разных моделей часов. Эта модель – в викторианском стиле. Механизм из настоящей бронзы, корпус из полированного дуба, имитация английских часов, продававшихся в девятнадцатом веке. Оптовая цена – пятьдесят четыре доллара. Товар распространяется через посредство агентов по продажам.

– Серийные номера?

– Только на механизме. На самих часах отсутствуют.

– Ладно, – откликнулся Райм. – Позвони.

– Я? – спросил Пуласки, заморгав.

– Да. Ты.

– Я должен...

– Позвонить производителю часов и сообщить ему серийный номер механизма.

Пуласки кивнул:

– И узнать, смогут ли они сказать нам, в какой магазин были доставлены часы.

– Сто процентов, – ответил Райм.

Парень вынул свой телефон и набрал номер, который ему дал Купер.

Конечно, не следовало исключать и того, что часы мог купить вовсе и не убийца. Или он мог украсть их из магазина. Или у кого-то. Он мог приобрести их на комиссионной распродаже.

Фраза «мог бы» – неизбежная обуза на начальном этапе расследования.

Так или иначе, начинать с чего-то надо.

СХЕМА № 1

Часовщик

Место преступления № 1

Место расположения:

- Ремонтный пирс на Гудзоне, на 22-й улице.

Жертва:

- Личность не установлена.
- Пол – мужской.
- Возможно, среднего возраста или даже старше, вероятно, страдающий гипертонией или сердечной недостаточностью (в крови обнаружено наличие антикоагулянтов).
- Наличие каких-либо других медикаментов и наркотиков в крови не установлено, так же как и возбудителей инфекционных заболеваний.
- Береговая охрана и водолазы продолжают поиски тела и других улик в гавани Нью-Йорка.
- Проводится проверка сообщений о пропаже людей.

Преступник:

- См. ниже.

Обстоятельства преступления:

- Преступник заставил повисшую над водой жертву цепляться за край опалубки дока до тех пор, пока, выбившись из сил, мужчина не упал в воду.
- Время преступления: между 18:00 понедельника и 6:00 вторника.

Имеющиеся свидетельства:

- Кровь, тип АВ положительный.
- Вырванный ноготь, неполированный, широкий.
- Кусок разорванной оградительной цепи, разрезанной обычным инструментом для резки проволоки; инструмент отыскать невозможно.
- Часы. См. ниже.
- Послание. См. ниже.
- Отметины ногтей на опалубке.
- Никаких явных следов: никаких отпечатков пальцев, следов ног и автомобильных шин.

Место преступления № 2

Место расположения:

- Переулок за Сидар-стрит, около Бродвея, за тремя коммерческими зданиями (задние двери закрываются между 20:30 и 22:00) и одним правительственным административным зданием (задние двери закрываются в 18:00).
- Переулок представляет собой тупик. Пятнадцать футов шириной, сто четыре фута длинной, вымощен булыжником, тело находилось на расстоянии пятнадцати футов от Сидар-стрит.

Жертва:

- Теодор Адамс.
- Проживал рядом с Бэттери-парк.
- Автор рекламных объявлений.
- Явных врагов не имел.
- К судебной ответственности не привлекался.
- Связь с каким-либо из зданий, расположенных вокруг переулка, не установлена.
- На жертве обнаружена грязь, содержащая рыбный белок.

Преступник:

- Часовщик.
- Пол – мужской.

- Никаких компьютерных данных по Часовщику.

Обстоятельства преступления:

- Жертву перетащили от автомобиля в переулок, где ему на шею положили металлический брус, который спустя некоторое время раздавил ему глотку.
- Ожидается поступление медицинского заключения с подтверждением обстоятельств гибели.
- Никаких свидетельств сексуального насилия.
- Время наступления смерти: приблизительно от 22:15 до 23:00 в понедельник. Должно быть подтверждено медицинским заключением.

Имеющиеся улики:

- Часы.
- Никаких взрывчатых веществ, химикатов и биоагентов не обнаружено.
- Идентичны часам, найденным на пирсе.
- Никаких отпечатков пальцев, минимум следов.
- «Арнольд продактс», Фрэммингем, Массачусетс. Наводятся справки относительно дистрибьюторов и продавцов в розницу.
- Послание, оставленное преступником на обоих местах преступления.
- Отпечатано на компьютерном принтере, на обычной бумаге, чернилами для лазерного принтера.
- Текст: «В небе полная Холодная луна освещает труп земли, указывая час смерти и окончания пути, начатого в момент рождения. Часовщик».
- В каких-либо базах данных отсутствует; возможно, его собственного сочинения.
- Холодная луна – один из месяцев по лунному календарю, месяц смерти.
- 60 долларов в банкнотах; отпечатки пальцев отсутствуют.
- Мелкий песок, используемый в качестве «маскирующего реагента». Песок обычный, свежий. Использовался потому, что преступник собирался вернуться на место преступления?
- Металлический брус, 81 фунт весом. В строительстве в близлежащей местности не используется. Другие источники происхождения не найдены.
- Скотч, обычный, но очень аккуратно и с исключительной точностью отрезан, что очень странно. Все куски совершенно одинаковой длины.
- В песке обнаружен сульфат таллия (яд, используемый против грызунов).
- Внутри куртки жертвы – грязь, содержащая рыбный белок.
- Обнаружено очень мало следов.
- Волокна коричневого цвета, возможно от обивки салона автомобиля.

Прочее:

- Автомобиль.
- Вероятно, «форд-эксплорер», три года эксплуатации. С коричневой обивкой салона.
- Проверка номеров автомобилей в указанном квартале на вечер и ночь понедельника не выявила никаких нарушений.
- Наводятся справки в полиции нравов о проститутках, которые могли стать свидетелями преступления.

В городских администрациях существует сеть дружеских связей, некая матрица, основанная на деньгах, покровительстве и власти и проникающая, подобно стальной паутине, повсюду, вниз и вверх, связывающая политиков, госслужащих, партнеров по бизнесу, руководителей фирм и даже простых сотрудников... Сеть эта бесконечна.

И Нью-Йорк, само собой, не является исключением, но в той сети, в которой неожиданно для себя запуталась Амелия Сакс, было одно существенное отличие: главным в ней был не «друг», а «подруга».

Упомянутой даме было за пятьдесят, она носила синюю форму со множеством всякой мишуры на груди: награды, ленты, значки, планки. И конечно же, стикер с американским флагом. Подобно политикам, высшие чины нью-йоркской полиции, появляясь на публике, должны надевать красное, белое и синее. У дамы были длинные прямые волосы с проседью, обрамлявшие узкий овал угрюмого лица.

Мэрилин Флаэрти была инспектором, одной из немногих женщин в этой должности в департаменте (должность инспектора считалась поважнее капитанского звания). Она принадлежала к числу старших офицеров оперативного отдела. Данное подразделение подчинялось непосредственно руководителю департамента полиции. У оперативного отдела была масса разнообразных функций. Среди них связь с другими организациями и учреждениями по поводу главнейших городских событий, запланированных, типа визита видных политиков, и незапланированных, типа нападения террористов. Главная же обязанность Флаэрти состояла в осуществлении контактов управления полиции с мэрией.

Флаэрти прошла всю служебную лестницу в полиции, как и Сакс, поднимаясь от чина к чину (общим между ними было также и то, что обе выросли в Бруклине недалеко друг от друга). Инспектор начинала свою карьеру в полиции с патрульной службы. Отходяв свое, она была переведена в Бюро расследований в чине лейтенанта. И там быстро пошла вверх. Суровая и не слишком общительная, Флаэрти во всех отношениях производила внушительное и грозное впечатление. Широкая, толстая, обладавшая всем необходимым для женщины «снаряжением» для маневрирования на «минном поле» верхних этажей органов правопорядка.

Чтобы убедиться в том, что ей это успешно удавалось, вам достаточно было взглянуть на стену, обратив внимание на фотографии друзей в рамках: высшие городские чиновники, владельцы крупных строительных фирм, известные бизнесмены... На одной из них Флаэрти была запечатлена вместе с импозантным лысым мужчиной на веранде шикарной виллы на побережье. На другой она в Метрополитен-опере стоит рядом с человеком, в котором Амелия сразу узнала бизнесмена из разряда Дональда Трампа. Еще одним доказательством успеха был размер занимаемого Флаэрти кабинета в управлении полиции, где они сейчас сидели. Ей каким-то образом удалось обеспечить себе обширное угловое помещение с роскошным видом на нью-йоркскую гавань, в то время как все другие инспекторы, известные Амелии, довольствовались гораздо более скромными прибежищами.

Сакс сидела напротив Флаэрти, их разделял широкий полированный стол. Кроме них, в комнате находился помощник мэра Роберт Уоллес. Он демонстрировал сытую румяную физиономию уверенного в себе преуспевающего чиновника и идеальную стрижку седой шевелюры. В данный момент на Уоллесе был неофициальный костюм. Опасность возникновения коррупции в полиции – одно из самых страшных пугал для мэрии, поэтому Уоллес не раздумывая прервал свои рождественские каникулы и, не медля ни минуты, прикатил сюда из своего дома на Лонг-Айленде.

– Вы дочь Германа Сакса, – произнесла Флаэрти. И, не дожидаясь ответа, перевела взгляд на Уоллеса. – Патрульный офицер. Очень хороший полицейский. Я присутствовала на церемонии, когда ему вручали награду.

Отец Амелии за долгие годы службы получил много наград. Интересно, на вручении какой из них присутствовала ее собеседница? Той, которую он получил за то, что ему удалось, не применяя силы, успокоить пьяного мужчину, пытавшегося перерезать горло жене? Или полученной за то, что он, находясь не на дежурстве, разоружил грабителя в круглосуточном магазине, разбив витрину из цельного стекла? Или медали, врученной за помощь в родах в кинотеатре «Риальто» какой-то мексиканке, которая, хрипя, билась в родовых схватках на

засыпанном попкорном полу, а на серебристом экране тем временем Стив Маккуин вовсю сражался с плохими парнями?

– В чем все-таки дело? – спросил Уоллес. – Насколько я понял, какие-то сотрудники полиции оказались вовлечены в преступления?

Флаэрти обратила на Амелию взгляд своих стального цвета глаз и молча кивнула. После паузы она произнесла со свойственной ей весомостью:

– Возможно... Здесь замешаны наркотики. И подозрительная смерть.

– Ну что-о ж, – проговорил Уоллес, со вздохом растягивая слоги.

Бывший бизнесмен, ныне один из ближайших сотрудников мэра в должности специального уполномоченного по искоренению коррупции в городской администрации, в своей работе он мог горы свернуть. За прошедший год Уоллесу практически в одиночку удалось изобличить серьезные случаи нарушения законодательства среди инспекторов по строительству и чиновников в профсоюзе учителей. Сама мысль о том, что коррупция проникла в полицию, вызывала у него ужас.

Изборожденное морщинами лицо Флаэрти в отличие от лица Уоллеса оставалось непроницаемым.

Под пристальным взглядом инспектора Амелия начала рассказывать о самоубийстве Бенджамина Крили, подозрительном из-за сломанного пальца, а также из-за материалов, сожженных у него в камине, следов кокаина и возможных связей с полицейскими, частенько захаживавшими в «Сент-Джеймс».

– Полицейские из один-один-восемь.

Имелся в виду 118-й округ, расположенный в Ист-Виллидж. Закусочная «Сент-Джеймс», как ей удалось выяснить, служила чем-то вроде распивочной для местного полицейского участка.

– В тот момент, когда я пришла туда, там было четверо полицейских, но время от времени заходили и другие. Не знаю, с кем встречался Крили. И было ли их двое, один или полдюжины.

– Вам известны имена? – спросил Уоллес.

– Нет. Мне не хотелось на данном этапе задавать слишком много вопросов. Да и у меня нет прямых свидетельств того, что Крили встречался с кем-то из полиции. Хотя это очень вероятно.

Флаэрти коснулась кольца с бриллиантом на среднем пальце. Бриллиант был огромных размеров. Кроме него и массивного золотого браслета, на ней не было никаких других украшений. Инспектор казалась совершенно невозмутимой, тем не менее Амелия прекрасно понимала, что сведения, предоставленные ею, взволновали Флаэрти. Простого намека на грязные дела в полицейской среде было достаточно, чтобы дрожь ужаса охватила всю городскую администрацию, но проблема в 118-м округе представлялась особенно неприятной. Это был образцовый округ, с большим числом раскрытых преступлений, хотя, с другой стороны, и с немалым количеством жертв среди личного состава. Старших офицеров из 118-го округа чаще переводили на более высокие посты в управление, чем сотрудников полиции из других округов.

– Раньше там отмечались какие-нибудь проблемы? – спросил Уоллес.

Флаэрти отрицательно покачала головой:

– Нет, я ни о чем подобном не слышала.

– После того как я заподозрила, что между ними и Крили может быть какая-то связь, – продолжала Амелия, – я пошла к банкомату и взяла две сотни долларов. Затем поменяла их на выручку, которая была в кассе «Сент-Джеймса». Часть тех денег попала туда от полицейских.

Флаэрти кивнула:

– Хорошо. И вы проверили регистрационные номера. – Она рассеянно катала свою ручку «Монблан» по столу.

– Да, конечно. Отрицательный результат по Министерству финансов и Министерству юстиции. Но практически все банкноты дали положительную реакцию на кокаин. И одна на героин.

– О боже! – не сдержался Уоллес.

– Не следует делать поспешных выводов, – заметила Флаэрти.

Сакс кивнула и объяснила помощнику мэра, что имела в виду инспектор: на многих двадцатидолларовых банкнотах, изымаемых из обращения, находят наркотики. Поводом для серьезной озабоченности был не сам этот факт, а то, что практически все банкноты, которыми расплачивались полицейские в «Сент-Джеймсе», содержали следы наркотических веществ.

– С тем же составом, что и кокаин, найденный в камине Крили? – спросила Флаэрти.

– Нет. И барменша утверждала, что никогда не видела у них наркотиков.

– У вас есть какие-нибудь прямые доказательства того, что сотрудники полиции причастны к его гибели?

– О нет. Я это даже не имела в виду. Сценарий, который мне представляется более вероятным, следующий: если полицейские вообще здесь замешаны, то они, скорее всего, узнав, что Крили связан с отмыванием денег, пытались снять с него определенный навар или процент с прибыли от продажи наркотиков.

– В прошлом он арестовывался?

– Крили? Нет. И я звонила его жене. Она сказала, что ни разу не видела у него никаких наркотиков. Впрочем, многие наркоманы умудряются довольно долго скрывать свое пристрастие от близких. Не говоря уже о торговцах, которым это не составляет большого труда. Конечно, если они сами не употребляют.

Инспектор пожала плечами:

– За всем тем, о чем мы сейчас говорим, могут стоять вполне невинные вещи. Возможно, Крили просто встречался с каким-нибудь деловым партнером в «Сент-Джеймсе». Вы упомянули, что он с кем-то поссорился там накануне своей смерти?

– Да, вроде.

– Значит, с какой-то сделкой у него не выгорело. Вполне возможно, что это не имеет никакого отношения к один-один-восемь.

Амелия энергично кивнула:

– Да, конечно. Могло быть чистейшим совпадением то, что «Сент-Джеймс» стал обычной забегаловкой для полицейских... А Крили могли убить, потому что он занял деньги у бандитов или сделался случайным свидетелем какого-то преступления.

Уоллес потянулся и посмотрел в окно на яркое холодное небо.

– У нас имеется факт смерти, поэтому мы должны ускорить с выяснением всех обстоятельств. Предельно ускорить. Подключите к работе отдел внутренней безопасности.

Отдел внутренней безопасности – самый логичный выбор для проведения расследования преступлений, в которых замешана полиция. Тем не менее Амелии не хотелось, чтобы сотрудников отдела подключали на данном этапе. Конечно, она передаст им дело позже, но прежде сама накроет преступников.

Флаэрти взяла ручку из мраморного письменного прибора. Мужчины могут позволить себе разные прихоти. Женщины – нет, по крайней мере не женщины, занимающие столь высокие посты. Идеально наманикюренными пальцами Флаэрти опустила ручку в элегантный держатель.

– Нет, отдел не нужно.

– Почему?

Инспектор покачала головой:

– Слишком близко к сто восемнадцатому. Могут пойти слухи.

Уоллес медленно кивнул:

– Если вы думаете, что так лучше...

– Да, так будет лучше.

Но радость Амелии по поводу того, что отдел внутренней безопасности решено было не подключать, длилась недолго, так как Флаэрти добавила:

– Я найду кого-нибудь здесь, кому можно будет передать это дело. Кого-нибудь из опытных сотрудников.

Колебания Амелии длились всего одно мгновение.

– Мне бы хотелось продолжить расследование, инспектор.

– Вы новичок в нашей работе, – ответила Флаэрти. – У вас нет опыта ведения подобных дел. Внутренние расследования – особая, очень сложная и ответственная категория.

– Я понимаю. Но я справлюсь.

«Я начала это дело, – думала Амелия, – я довела его до нынешней стадии. Мое первое дело об убийстве. Черт возьми! Я не позволю, чтобы его забрали у меня!»

– Здесь у нас не обычная экспертиза места преступления.

– Я ведущий следователь по делу об убийстве Крили, а вовсе не технический эксперт, – спокойно возразила Амелия.

– И все-таки я полагаю, что так будет лучше... Итак, будьте любезны представьте мне все папки по делу, все, что у вас имеется.

Амелия подвинулась вперед на стуле, ноготь указательного пальца от волнения вонзился в подушечку большого пальца. Как же ей удержать дело у себя?

В эту минуту в разговор вступил заместитель мэра. Нахмурившись, он спросил:

– Постойте-ка. А не вы ли, случайно, работаете с бывшим полицейским в инвалидной коляске?

– С Линкольном Раймом? Да, я.

Мгновение он раздумывал, а потом, взглянув на Флаэрти, произнес:

– Пусть она продолжает работать, Мэрилин.

– Почему?

– У нее превосходная профессиональная репутация.

– И что нам от ее репутации? Нам нужен кто-то с опытом. Извините, уважаемая, не хотела вас оскорбить.

– Ничего, – холодно ответила Амелия.

– Дело в высшей степени деликатное. Я бы даже сказала – взрывоопасное.

Уоллес принял окончательное решение.

– Мэру понравится. Она связана с Раймом. А Райма любят журналисты. И он в данный момент не полицейский. Таким образом, расследование будет восприниматься как полностью независимое.

Будет восприниматься... кем? Конечно же прессой. Сакс поняла сразу, кто имелся в виду.

– Мне не нужно долгое беспорядочное расследование с вовлечением массы разных людей, – возразила Флаэрти.

– Расследование не будет ни долгим, ни беспорядочным, – вмешалась Амелия. – И со мной работает еще только один полицейский.

– Кто?

– Из патрульной службы. Рональд Пуласки. Хороший и ответственный сотрудник. Молодой, но очень достойный.

После паузы Флаэрти спросила:

– Ну и как вы предполагаете продолжить?

– Прояснить связи Крили с один-один-восемь и с «Сент-Джеймсом». Узнать побольше о его жизни. Попытаться понять, не было ли каких-либо других причин убрать его. Я хочу побеседовать с его партнером по бизнесу. Возможно, у него были какие-то проблемы с кли-

ентами или с работой. И необходимо получить больше информации относительно того, какое отношение Крили имел к наркотикам.

Флаэрти сказанное Амелией, по-видимому, не очень устроило, тем не менее она заключила:

– Ладно. Пусть будет по-вашему. Но вы должны постоянно держать меня в курсе. Только меня, и никого больше. Поняли?

Амелия ощутила сильнейшее облегчение.

– Да, конечно.

– Всю информацию передавать мне по телефону или лично. Никаких электронных посланий и служебных записок. – Она нахмурилась. – И еще одно. Вы работаете с какими-то другими делами?

Инспектором невозможно стать, не обладая развитым шестым чувством. Флаэрти задала тот самый вопрос, которого больше всего боялась Амелия.

– Я помогаю в расследовании дела об убийствах... В деле Часовщика.

Флаэрти нахмурилась:

– Ах, значит, вы и этим занимаетесь? Я не знала... По сравнению с серийным убийцей ситуация в «Сент-Джеймсе» далеко не столь серьезна.

В голове Амелии прозвучали слова Райма: «Твое дело не такое срочное, как дело Часовщика».

Уоллес задумался, затем взглянул на Флаэрти:

– Полагаю, нам в данном случае нужно мыслить по-взрослому. Что хуже для города? Убийца, на счету у которого всего несколько человек, или скандал в самом полицейском управлении, который, не успеем мы и оглянуться, пресса разнесет по всей стране? Репортеры реагируют на продажных полицейских, словно акулы на кровь. Нет, для меня это дело важнее.

Амелию уязвило замечание Уоллеса. «Убийца, на счету у которого всего несколько человек...»

Однако у нее с Уоллесом были общие цели. Она хотела довести дело Крили до конца.

И уже во второй раз за сегодняшний день она сказала:

– Я могу работать с обоими делами. Обещаю, я справлюсь.

А в голове у нее скептический голос ехидно шептал: «Будем надеяться, Сакс, будем надеяться».

Глава 9

13:57

Амелия Сакс забрала Пуласки у Райма. Криминалист, как она поняла, остался не очень доволен этим похищением, хотя в данный момент парень и не был особенно занят.

– Как быстро она у тебя бежит? – Пуласки коснулся панели ее «камаро» 1969 года.

– Со мной тебе не нужна политкорректность, Рон. Меня хорошо вымуштровали в сто восемьдесят седьмом.

– Ого!

– Ты любишь автомобили?

– Больше я люблю мотоциклы. У нас с братом были два собственных, когда мы учились в старших классах.

– Одинаковые?

– Что?

– Мотоциклы.

– А... ты про то, что мы близнецы. Нет, мы никогда не стремились быть похожими во всем. Одеваться одинаково и тому подобное. Мать часто пыталась нас заставить, но мы и без того были как две капли воды. Теперь она смеется, конечно, из-за формы, которую мы носим. И ты не думай, что мы могли пойти и купить все, что пожелаем, – две одинаковые «Хонды-850», например, или что-то в этом роде. Мы покупали то, на что у нас хватало денег, – из вторых или даже из третьих рук. – Он лукаво ухмыльнулся. – Однажды ночью, когда Тони спал, я прошмыгнул в гараж и поменял моторы. Он так и не догадался.

– Ты все еще ездешь?

– Говорят, Бог ставит нас перед выбором: либо дети, либо мотоциклы. Через неделю после того, как Дженни забеременела, один счастливчик в Куинсе приобрел себе за хорошую цену суперский «мото-гуччи». – Он усмехнулся. – С исключительным мотором.

Амелия рассмеялась. После чего объяснила ему цель их поездки. Нужно отследить несколько имеющих у нее нитей. Вторая барменша в «Сент-Джеймсе» по имени Герта скоро должна была прийти на работу, и Амелии необходимо было с ней поговорить. Кроме того, она хотела побеседовать с деловым партнером Крили Джорданом Кесслером, возвращавшимся из командировки в Питсбург.

Но главной была совсем другая задача.

– Как бы ты отнесся к тому, если бы я попросила тебя разыграть роль тайного агента? – спросила она.

– Думаю, что нормально.

– Несколько ребят из один-один-восемь, вероятно, обратили на меня внимание в «Сент-Джеймсе». Поэтому мне нужна твоя помощь. И никакой записывающей аппаратуры. Мы собираем не улики, а просто информацию.

– Так что мне нужно делать?

– В моем портфеле. На заднем сиденье.

Она резко снизила скорость, хорошо вписалась в поворот и повела мощный автомобиль по прямой. Пуласки поднял портфель с пола.

– Нашел.

– Бланки наверху.

Он кивнул, просматривая бумаги. Там Пуласки обнаружил служебную записку, в которой разъяснялись новые правила относительно проверки материалов следствия, могущих представлять опасность: огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, химикатов и так далее.

– Никогда ни о чем подобном не слышал.

– Не слышал, потому что я сама это придумала.

Амелия объяснила Пуласки, что им нужно располагать правдоподобным поводом для проникновения в недра 118-го округа и сравнения журналов регистрации следственных материалов с реальными материалами.

– Ты скажешь им, что тебя интересуют следственные материалы, но мне бы хотелось, чтобы ты просмотрел у них регистрацию наркотиков, конфискованных за последний год. Выпиши имя задержанного, дату, количество изъятого и проведенные аресты. А затем мы сравним собранные тобой сведения с тем, что имеется у районного прокурора по тем же самым делам.

Пуласки слушал ее и кивал:

– Таким образом мы выясним, исчезли ли какие-то наркотики между временем регистрации и временем суда над торговцами... Все ясно, прекрасно придумано.

– Надеюсь. Не думаю, что нам сразу же удастся узнать, кто конкретно их взял, но это только начало. Ну а теперь приступим к игре в шпионов. – Амелия остановила автомобиль на расстоянии квартала от 118-го округа, на запущенной улице с многоквартирными домами Ист-Виллидж. Бросила испытующий взгляд на Пуласки. – У тебя не появилось никаких сомнений насчет своей роли?

– Должен признаться, что ничем подобным никогда не занимался. Хотя, конечно, стоит попробовать. – Мгновение он колебался, рассматривая бланки, затем сделал глубокий вдох и вылез из машины.

Когда Пуласки ушел, Амелия позвонила нескольким своим коллегам по Управлению полиции Нью-Йорка, ФБР и Администрации по контролю за применением законов о наркотиках, которым она полностью доверяла и на которых могла положиться. Ей хотелось выяснить, были ли в 118-м округе не доведены до завершения или приостановлены какие-либо дела об организованной преступности, убийствах и распространении наркотиков. Никто из ее знакомых не слышал ни о чем подобном, тем не менее статистика по округу свидетельствовала, что, несмотря на его блестящую репутацию, до суда там доходило очень немного дел об организованной преступности. А это наводило на мысль о том, что детективы, возможно, прикрывают местные банды. Один агент ФБР сообщил Амелии, что есть сведения, будто бандиты снова начали осуществлять периодические рейды в Ист-Виллидж после того, как район начал потихоньку обуржуазиваться.

Затем Амелия позвонила одному своему знакомому, руководившему оперативной группой по борьбе с бандитизмом в центральных районах города. Он рассказал ей, что в Ист-Виллидж действуют две группировки: ямайская и «белая». Они занимаются торговлей денатуратом и кокаином и без колебаний пришьют свидетеля и убьют любого, кто попытается провести их или вовремя не заплатит. Тем не менее, признал детектив, инсценировка самоубийства не в их стиле. Они просто прикончили бы Крили на месте из «макарова» или «узи», а потом как ни в чем не бывало отправились бы в ближайшую пивную.

Некоторое время спустя явился Пуласки с типичной для него кипой записок. Этот парень записывает абсолютно все...

– Ну как?

Пуласки изо всех сил пытался сдержать улыбку.

– Думаю, нормально.

– Провел их?

Парень пожал плечами:

– Сержант на входе не хотел меня пропускать, но я на него посмотрел своим обычным взглядом, типа: «Ты спятил, меня не пропускаешь? Хочешь, чтобы я позвонил в управление и сказал им, что из-за тебя твой полицейский участок не получит необходимых документов?» Он мгновенно уступил. Я даже удивился.

– Превосходная работа. – Они стукнулись кулаками, как бы поздравляя друг друга с удачей.

Не теряя ни минуты, выехали из Ист-Виллидж. Как только Амелия убедилась, что полицейский участок остался далеко позади, она остановила машину и они приступили к сравнению двух наборов цифр.

Минут через десять обнаружили первые результаты. Данные в отчетности полицейского округа и данные управления окружной прокуратуры практически совпадали. За весь год без объяснений остались только семь унций марихуаны и четыре унции кокаина.

– И их документация не производит впечатления подделанной. Я подумал, что и это следует проверить.

– Правильно подумал, – отозвалась Амелия.

Значит, один мотив, что группа из «Сент-Джеймса» и Крили торговали наркотиками, похищенными из 118-го полицейского участка, отпал. То небольшое количество наркотиков, для которого не находилось объяснения, было слишком незначительным. Оно могло быть потеряно при осмотре места преступления или просто возникнуть из-за неточной оценки объема вещества.

Однако полученные данные не являлись окончательным доказательством невинности полицейских. Они могли брать наркотики непосредственно у поставщиков. Или изымать при аресте и вообще не вносить в документацию. А возможно, поставщиком был сам Крили.

Первая операция, проведенная Пуласки в роли шпиона, дала ответ на один вопрос, но остальные пока оставались без ответа.

– Ну что ж, не будем останавливаться на достигнутом, Рон. А теперь скажи мне, с кем ты хотел бы пообщаться: с барменшей или с бизнесменом?

– Да мне все равно. Может, монетку бросим?

– Наш загадочный друг, скорее всего, приобрел часы в часовом магазине Халлерштайна, – сообщил Мэл Купер Райму и Селитто, закончив телефонный разговор. – В районе Утюга⁶.

До того как Амелия увела его на расследование дела Крили, Пуласки успел получить информацию от директора отдела продаж фирмы-производителя в Массачусетсе относительно того, куда поступили часы с указанными серийными номерами.

Купер узнал, что дистрибьютор не ведет учета доставки часов по серийным номерам, но в Нью-Йорке они могли продаваться только у Халлерштайна. Это единственное место здесь, куда они поступают. Магазин располагался к югу от центра в районе, получившем название в честь знаменитого треугольного здания на перекрестке Пятой авеню и Двадцать третьей улицы, напоминавшего старомодный уют.

– Наведите справки о магазине, – раздался голос Райма.

Купер вошел в Интернет. Своего сайта у «Халлерштайна» не было, но он упоминался на нескольких других сайтах продажи антикварных часов. Он функционировал уже на протяжении многих лет. Владельца звали Виктор Халлерштайн. Однако лично о нем не удалось получить никакой информации. Тогда Селитто позвонил в «Халлерштайн» и, не представившись, попросил назвать ему время работы магазина. Он сказал, что уже как-то заходил к ним, и спросил, с кем он разговаривает. Его собеседник ответил, что он говорит с владельцем магазина Халлерштайном. Селитто поблагодарил и повесил трубку.

– Съезжу поговорю с ним, узнаю, что ему известно. – Селитто натянул пальто. Всегда лучше приходить к свидетелям, когда они тебя не ждут. Предварительный звонок с предупре-

⁶ Утюг – так переводится название небоскреба Флэтайрон-билдинг, который был построен на треугольном участке с тем же прозвищем.

ждением давал возможность выдумать массу лжи независимо от того, было им что скрывать или нет.

– Постой, Рон, – окликнул его Райм.

Детектив оглянулся.

– А что, если он все-таки не продавал часы Часовщику?

Селитто кивнул:

– Да, я уже об этом думал. Что Часовщиком может быть он сам, или его партнер, или друг.

– Возможно и то, что он стоит за всем «проектом», а Часовщик всего лишь работает на него.

– И такой вариант я тоже принимал во внимание. Ладно, не будем волноваться раньше времени. Справимся.

Звуки ирландской арфы лились в уши Кэтрин Дэнс; она рассеянно созерцала проносящиеся мимо улицы Нижнего Манхэттена по пути в аэропорт Кеннеди: рождественская мишура, разноцветные лампочки, коробки с подарками...

И влюбленные пары. Рука об руку. Ходят по магазинам в поисках подарков. Или просто прогуливаются, проводят каникулы.

Она подумала о Билле. Спросила себя: понравилось бы ему здесь?

Как странно, что в памяти после двух с половиной лет – время, которое при других обстоятельствах показалось бы бесконечно долгим, – остаются самые незначительные мелочи.

«Миссис Свенсон?»

«Это Кэтрин Дэнс. Свенсон – фамилия моего мужа».

«А-а... С вами говорит сержант Уилкинс. Калифорнийский дорожный патруль».

По какому поводу дорожный патруль может звонить ей домой?

Дэнс была на кухне, готовила обед, вполголоса напевая песню Роберты Флейк, и пыталась вычислить, какая из насадок на кухонный комбайн нужна ей в данный момент. Она собиралась приготовить гороховый суп-пюре.

«Боюсь, я должен вам кое-что сообщить, миссис Дэнс. О вашем муже».

Держа телефонную трубку в одной руке, а поваренную книгу в другой, Кэтрин остановилась посреди кухни и уставилась на рецепт супа, слушая слова полицейского. Дэнс и сейчас в мельчайших подробностях помнит эту страницу, хотя видела ее всего однажды. Она даже помнит надпись под рисунком. «Великолепный вкусный суп, который вы приготовите за несколько минут. И очень питательный».

Она и сейчас смогла бы приготовить его по памяти.

Хотя с тех пор никогда и не пыталась.

Кэтрин Дэнс понимала, что должно пройти определенное время, прежде чем она исцелится от своего горя. «Исцелится» – именно этим словом воспользовался ее психоаналитик. Он ошибался; как очень скоро поняла Кэтрин, от настоящего горя невозможно исцелиться полностью. Шрам, затягивающий глубокую рану, остается шрамом. Со временем на место боли приходит онемение. Но здоровую кожу под шрамом уже никогда не восстановить.

Дэнс улыбнулась, осознав вдруг, что здесь, в такси, она скрестила руки и поджала ноги. Эксперту по кинесике прекрасно известно, что означают подобные жесты.

Улицы казались совершенно одинаковыми: темные каньоны между громадинами зданий, серые и мутно-коричневые, расцвеченные неоновым светом реклам: «АТМ», «Закусочная», «Маникюр за \$9,95». Какой контраст с полуостровом Монтерей, с его дубами и эвкалиптами, песчаными участками, перемежающимися зарослями суккулентов. Такси ехало довольно медленно. У Кэтрин была масса времени для воспоминаний. Городок, в котором она живет, Пасифик-Гроув, на самом деле представляет собой викторианскую деревню в 120 милях к югу от Сан-Франциско. Население в нем всего 18 тысяч душ, он примостился между шикарным Кар-

мелем и трудолюбивым Монтереем, прославленный в «Консервном ряду» Стейнбека; за то время, которое потребовалось такси, чтобы миновать восемь нью-йоркских кварталов, Пасифик-Гроув можно проехать весь из конца в конец.

Нью-Йорк... Темный, до предела перенаселенный, в общем, жуткий и чудовищный город. И тем не менее, несмотря ни на что, она любила его. В конце концов, не надо забывать, что больше всего на свете Кэтрин интересовали люди, а здесь их собралось больше, чем где бы то ни было еще.

Кэтрин подумала: а как на ее идею отреагируют дети?

Мэгги она понравится, Кэтрин в этом не сомневалась. Она без труда представила свою десятилетнюю дочурку стоящей посередине Таймс-сквер. Волосы, схваченные в хвост, мотаются из стороны в сторону, когда она переводит зачарованный взгляд с реклам на прохожих, а с них – на разъездных торговцев, потом – на бесконечную вереницу автомобилей, направляющихся в сторону бродвейских театров.

Уэс? С ним будет посложнее. Мальчику было двенадцать, когда погиб отец, и он очень тяжело перенес случившееся. Но кажется, и к нему постепенно возвращаются чувство юмора и уверенность в себе. Несколько месяцев назад Кэтрин впервые решилась оставить его со своими родителями и поехать в Мехико по делу об экстрадиции преступника, в первуюграничную командировку со времени гибели Билла. Их первое длительное расставание Уэс вроде бы перенес нормально, поэтому Кэтрин и согласилась наконец провести в Нью-Йорке семинар, о котором управление полиции штата просило ее уже в течение целого года.

И все-таки время от времени красивый худощавый мальчик с волнистыми волосами и зелеными глазами, как и у Кэтрин, становился вдруг мрачным, отстраненным и злобным.

Что-то в этом поведении было типичным проявлением взросления будущего мужчины, а что-то – психологическим осадком от не до конца пережитой утраты отца в раннем возрасте. Обычное поведение, объяснил его психолог, не о чем беспокоиться. Но Кэтрин понимала, что сыну потребуется определенное время, чтобы привыкнуть к нью-йоркскому хаосу, а она ни при каких обстоятельствах не станет его торопить и принуждать. Хотя, с другой стороны, и для самого Уэса переезд будет шагом вперед в личностном развитии. Сразу же по возвращении она задаст ему вопрос о возможном посещении Нью-Йорка. Кэтрин не понимала тех родителей, которые считают, что необходимы магические заклинания, чтобы добиться правды от детей. Единственное, что требуется от родителя, – самому быть искренним и просто, без уловок задать тот вопрос, на который он хочет получить ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.